

Алексей Дельнов

КРЫМ

БОЛЬШОЙ
ИСТОРИЧЕСКИЙ
ПУТЕВОДИТЕЛЬ

Большой исторический путеводитель

Алексей Дельнов

**Крым. Большой
исторический путеводитель**

«ЭКСМО»

2017

УДК 94 (470)
ББК 63.3 (2 Рос.Крым)

Дельнов А. А.

Крым. Большой исторический путеводитель / А. А. Дельнов —
«Эксмо», 2017 — (Большой исторический путеводитель)

ISBN 978-5-699-95399-8

«Крым. Большой исторический путеводитель» – уникальная энциклопедия жизни полуострова за последние 2000 лет, рассказывающая о народах, населяющих его территорию, выдающихся личностях и важнейших исторических событиях начиная с первобытных времен и вплоть до исторического возвращения Крыма в состав России. Какие племена изначально населяли территорию современного Крыма? Какие события происходили на полуострове во время господства Римской империи и в составе Золотой Орды? Что привело к образованию Автономной Крымской Советской Социалистической Республики и как полуостров пережил ужасный голод 1921–1923 гг.? Чем закончилась героическая оборона Севастополя в 1941–1942 гг. и какие решения были приняты на судьбоносной Ялтинской конференции в феврале 1945 года? При каких обстоятельствах произошло включение Крыма в состав СССР в 1954 году и что привело к референдуму о статусе Крыма 60 лет спустя, в марте 2014 года? Ответы на эти и другие вопросы о регионе с богатейшей историей и уникальной судьбой ждут вас в путеводителе Алексея Дельнова, написанном в неповторимом авторском стиле. 3-е изд., испр. и доп.

УДК 94 (470)
ББК 63.3 (2 Рос.Крым)

ISBN 978-5-699-95399-8

© Дельнов А. А., 2017

© Эксмо, 2017

Содержание

Вступление	7
Глава 1. Крым первобытный	9
Глава 2. Индоевропейцы	12
Глава 3. Кочевники	15
Глава 4. Народ тавров	18
Глава 5. Киммерийцы и скифы	20
Глава 6. Великая греческая колонизация	36
Глава 7. Боспорское царство	42
Глава 8. Херсонес Таврический	45
Конец ознакомительного фрагмента.	47

Алексей Дельнов
Крым. Большой
исторический путеводитель

© Дельнов А., текст, 2015

© ООО «Издательство «Э», 2017

Вступление

Крым привлекателен уже по внешнему виду на карте. Помните, как у Николая Гумилева про Африку:

Ты, на дереве древнем Евразии
Исполинской висящая грушей.

Крым же изящен, он затейливым цветком, с волоконцем Арбатской стрелки распустился над Черным морем. Прильнув все к тому же стволу, Евразии и питаюсь ее живительными соками.

А ведь сравнительно недавно, тысячелетий всего восемь назад, его как такового, как полуострова, узким черешком Перекопского перешейка связанного с материком, не было. Не было и Азовского моря, да и Черное было куда меньшим по размерам пресноводным озером. Крымская же земля была частью массива суши куда более плавного очертания.

Но вот произошел прорыв вод Средиземного моря через внезапно возникший пролив Босфор. То ли землетрясение, то ли подъем уровня Мирового океана вызвал напор воды, приведший к стремительному размыву перемычки. И разве в силах людского воображения представить, как 200 Ниагарских водопадов соленой воды низринулись в спокойную прежде озерную гладь. И так – несколько месяцев, пока уровни не сравнялись. А ведь на тамошних берегах жили люди, жили и беды на чайли, и как круто изменилась жизнь тех, кто уцелел. Возможно, именно этот катаклизм послужил основой для предания о Всемирном потопе.

А давайте займемся немного моделированием. Представим себе мяч диаметром 130 см. Не совсем шарообразный, скорее «геоид вращения» – но это почти одно и то же. На поверхности этого мяча – легкая шероховатость. Пупырышки высотой не более 1 мм (1 мм – это Джомолунгма) и щербинки да вмятинки – тоже не глубже 1 мм (которая чуть глубже – это Марианская впадина). 2/3 поверхности чуть влажные, скорее опрелость какая-то (это Мировой океан). Чуть подморозило – льдышки, которые на полюсах, вбирают в себя влагу, и мяч сразу становится суше. Как во времена Ледниковых периодов. Припечет солнышко – наледь тает, и начинаются Всемирные потопы. Так где же наше место на этом огромном глобусе, «венцы творения»? Как мелких микробов, и под микроскопом не рассмотреть. Но эти микробы, то есть мы, творения Господни, мыслью своею и духом своим способны вместить в себя все это, и всю Вселенную, и все прошлое, настоящее и будущее. Впрочем, будущее сомнительно, в настоящем – «огромное видно на расстоянии». Так что давайте займемся историей. Она лучше всего позволяет нам прочувствовать собственное величие. Крым же – он как магический кристалл, в котором преломилась судьба всех народов Европы и Азии.

Хотя на наш крупномасштабный российский взгляд, казалось бы, всего-то 26 тысяч квадратных километров, немного больше половины Московской области, где тут развернуться? Но вспомним: греческая Аттика, со славными своими беломраморными Афинами, средоточием мудрости и красоты, раз в восемь меньше. Меньше Крыма и греческий же полуостров Пелопоннес, на котором уместилось когда-то не меньше десятка городов-государств, включая Спарту и Коринф. И хватало там места и для Олимпийских игр, и для Пелопоннесской войны, которую историк Фукидид считал мировой. Но главное даже не в этом, а в том, что эллины и их культура растеклись по всему свету, не миновали и Крым. Его много кто не миновал из тех, кто прогремел на весь мир.

А он и сам по себе, как та Греция, в которой все есть, – мал, да удал. Многое в истории полуострова определил его рельеф. На 70 % это равнина, степь, всхолмленная на востоке, на Керченском полуострове, и на западе, там, где Евпатория. На юге длинной грядой, вернее,

три гряды протянулись Крымские горы – не очень высокие, но величественные. Без острых пиков, зато со многими ровными высокогорными плато – яйлами, удобными для скотоводов. Местами горы крутыми склонами обрываются прямо в море, но хватало места и для того, чтобы Южное побережье, помимо пляжей, прославилось гаванями, удобными приютами для греческих, римских, готских, византийских, генуэзских, турецких кораблей, виноградниками и прочим садоводством.

На полуострове могли уживаться, не очень мешая друг другу, и степняки с табунами своих коней, и землепашцы, и виноградари, и мастеровые горожане, и царственные особы со своими дворцами и резиденциями, и те, кто ждет милости от стихии морской и коммерческой, – моряки и торговцы. Увы, хватило места и для великих сражений. Хватит его и для любителей истории – очень хочется, чтобы эта книга стала для них дополнительным стимулом съездить в Крым.

Глава 1. Крым первобытный

Обитали здесь люди с самых первобытных времен, с древнего каменного века – палеолита. Палеолит, длинная вереница каменных тысячелетий. Впрочем, зачем мы их так? Просто это было так давно, что из обработанного человеческой рукой, кроме камней, мало что сохранилось. А в ход, несомненно, шло все что ни попадя, происхождения и растительного (от дубины и палки-копалки до органических красителей), и животного (кости, шкуры, жилы), и минерального (красная охра, например – ею посыпали покойника, чтобы заменила кровь в загробном существовании). Голова у людей работала что надо – одна непревзойденная пещерная живопись чего стоит. Возводя жилища из костей мамонта и прочих стройматериалов, порою комбинировали эти конструктивные элементы с такой смекалкой, что, пожалуй, им бы и кубик Рубика нипочем. Те же каменные орудия поражают своим разнообразием. Множество форм и размеров, соответствующих разным нуждам и разным технологическим операциям, для которых они предназначались. А получить их, кроме как из грубого куска кремня, было не из чего.

Действовали по методу Микеланджело: узрев в глубине глыбы потребное, отсекали все лишнее. Неспроста у пращуров объем головного мозга, этого интерфейса между душой и природой, был не меньше (а то и больше) нашего. Только служил он тогда по большей части для мышления образного, а не словесного. Людям была свойственна интуиция, доступная разве что величайшим из наших современников. Они вживую чувствовали и душу камня, и душу дерева, и душу зверя. Это и было анимизмом: не верую, а уверенностью в одушевленности всего на свете.

Неандертальцам, по заверениям изучавших их черепа ученых, снились замечательно яркие сны. Наверное, так. В это легко поверить, если вспомнить, что в могиле юной неандерталки нашли не только ее останки, но и следы букетика цветов.

В Крыму, в пещере Чокурга (ныне – на территории Симферополя), обнаружено жилище людей палеолита, возраст которого определяется примерно в 45 тысяч лет. Здесь среди лесов (исчезнувших к нашему времени), на границе степи, обитали неандертальцы. Найдены кости пещерной гиены, дикой лошади, мамонта, пещерного медведя, гигантского оленя, первобытного быка, носорога. Обнаружены кремневые остроконечники и скребла, костяные орудия.

Самой ценной находкой стали редкостные наскальные рисунки, каждый полуметровой высоты: солнечный диск с лучами (возможно, объект поклонения), изображение мамонта и рыбы.

* * *

Потом была неолитическая (новокаменновековая) революция, когда человек, говоря словами Священного Писания, перестал «жать там, где не сеял». Перешел от хозяйства присваивающего (охоты, рыболовства, собирательства) к хозяйству производящему. Не бери только готовое, сумей сначала вырастить, дать жизнь – а уж потом можешь взять ее (глубже всех этим прониклись индоарии, в Ведах которых мир предстает всеобщим жертвоприношением).

Неолитическая революция привела к быстрому росту населения Земли. Правда, не сразу – за много тысячелетий привыкшие к привольному охотничьему существованию, люди, оказавшиеся в скученных оседлых поселках, должны еще были выработать правила санитарии и обрести иммунитет от болезней, сопутствующих новым условиям. А за это приходилось платить очень многими жизнями, особенно детской смертностью.

Как бы там ни было, если на начало перехода к производящему хозяйству на Земле обитало порядка 2,5 млн человек, то к концу VI тысячелетия до н. э. цифра составляла минимум 4 млн – при том, что «захваченных революцией» из них было не более 1,5 млн, а остальные 2,5 млн по-прежнему охотились и собирались (прикидки академика В. П. Алексеева, разумеется, очень приблизительные). К середине же II тысячелетия до н. э. на планете проживало уже около 40 млн земледельцев и скотоводов.

Понятно, что люди вынуждены были расселяться из обжитых селений, причем в старых земледельческих центрах «Плодородного полумесяца» (в Нильской долине, на Кипре, на юго-востоке Малой Азии, на территориях будущих Финикии и Ассирии, в Месопотамии) свободных земель становилось все меньше. Миграции переселенцев охватывали все Средиземноморье, берега Атлантики вплоть до Скандинавии, Иранское нагорье, Закавказье и Северный Кавказ. Складывались новые расы, новые этносы, новые культуры (ставшие в наши дни археологическими).

Новые центры в скором времени сами порождали волны переселенцев, волны пересекались. Руслуями рек (например, по Дунаю), другими удобными путями земледельцы двигались в глубь континентов и на берега новых морей. По ходу дела века перестали быть каменными, люди осваивали металлы: медь, бронзу (сплав меди с оловом), а там и железо.

* * *

Одной из возникших на берегах Черного и Азовского морей культур была Кеми-Обинская III тысячелетия до н. э. Она существовала на Кубани, на соседних приазовских землях, в Крыму – в северных предгорьях и на равнинной его части, в Нижнем Поднепровье. Культура названа по раскопанному в Крыму, близ Белогорска, кургану (неподалеку от знаменитой Белой Скалы). Исследователи считают, что люди, создавшие культуру, были выходцами с Северного Кавказа, а в Крым попали через Керченский пролив (Северный Кавказ в ту эпоху был развитой металлургической провинцией).

Культура эта энеолитическая – медно-каменная, т. е. ее носителям была уже знакома медь, но большинство орудий и прочих изделий изготавливались еще из традиционных материалов (поблизости как раз находились выходы высококачественного кремня). Использовали кавказского происхождения топоры, тесла, шилья, ножи. Изготавливали простейшую глиняную посуду (без гончарного круга).

Люди жили в поселениях из домов земляночного типа, двускатные крыши которых опирались на деревянные столбы. Занимались земледелием, но больше скотоводством: разводили овец, крупный рогатый скот, лошадей (вероятно, и как тягловых, и на мясо). Обеспечивали себе неплохой досуг: обнаружены примитивные костяные коньки и игральные кости.

Интересны погребения кеми-обинцев. Вырывалась прямоугольная яма, дно которой устилалось галькой, ракушками и известью. Стены обкладывали хорошо подогнанными друг к другу каменными плитами или деревянными чурбаками. На них наносился узор из прямых и волнистых линий, при этом использовалась красная, черная, реже – белая краска. Возможно, это была имитация ковра.

Покойника укладывали в «позе эмбриона»: на боку или на спине с подогнутыми к животу ногами. Снаряжали в дорогу: клали рядом посуду, всякий инвентарь из кости и металла. После этого камеру перекрывали, щели тщательно замазывали глиной и делали сверху земляную насыпь.

Если покойный был лицом значительным, на насыпи устанавливалась каменная стела (зарытый в землю одиночный камень-менгир) – с условной головой, с обособленными изображениями деталей лица и кистей рук, с высеченными внизу изображениями животных, людей, оружия, орудий труда.

Одного усопшего почтили стелой явно фаллической формы. Никакой насмешки в этом не было: пиктограммы большинства первобытных народов, изображающие мужчин, охотников и воинов, представляли их в состоянии эрекции – с магической целью и как дань уважения доблести и животворящей силе персонажа.

Магическое содержание нес и кромлех, круг из камней, выкладываемый иногда вокруг кеми-обинских захоронений. Камни и сами по себе обычно одушевлялись первобытными людьми, наделялись таинственной силой, положенные же в круг, они выполняли функцию оберега: или защищая покойного от злых сил, или живых сородичей от него самого – ведь душа покойника непредсказуема, она может повести себя совсем не так, как вел при жизни ее обладатель.

Мы не знаем, какие обряды совершались над могилой. Наверное, были и жертвоприношения, и мольбы о душе покойного и к ней, и погребальная тризна. Но и так налицо зачатки того, что в несколько иных формах и больших размерах соорудилось в последующие века и что можно видеть в степи и по сей час: «каменных баб», курганов с вожденными для археологов (и черных копателей) погребальными камерами.

Глава 2. Индоевропейцы

В эпоху бронзового века (а может быть, начиная с более ранних времен) в Северном Причерноморье и близлежащих краях происходили важнейшие для всего человечества события: сложилась, а где-то с начала III тысячелетия до н. э. стала распадаться праиндоевропейская общность народов. Составлявшие ее племена, распространяясь по огромным пространствам Евразии, становились инициаторами этногенеза множества новых племен и народов, говоривших на языках, имеющих в основе своей праиндоевропейский язык. В наши дни на этих языках в Старом Свете говорят народы от Исландии до Индии, это языки романские, германские, греческий, славянские, албанский, персидский, таджикский, пушту, хинди и многие другие. Благодаря распространению английского, французского, испанского, португальского языки индоевропейской семьи преобладают повсюду и в Новом Свете.

Где начала складываться праиндоевропейская общность – вопрос дискуссионный. Но что здесь протекала значительная часть ее истории (или истории большинства входивших в нее народов) и отсюда после ее распада исходили передвижения составлявших ее племен (получивших собирательное название индоевропейцев) – считается почти доказанным. Да и возникла она скорее всего с большой долей вероятности все-таки именно здесь.

На границе лесостепи и степи сложились наиболее благоприятные условия для встречи и взаимопроникновения, т. е. для участия в совместном этногенезе племен «преимущественно земледельческих» и «преимущественно скотоводческих», да и присутствие рядом лесных жителей, «охотников по преимуществу», тоже не было лишним (в реконструируемом праиндоевропейском языке очевидны угрофинские влияния). Природное многообразие: леса, степь, большие реки, плодородные земли, близость кавказских металлургических центров (ведь на дворе уже был бронзовый век) – все это способствовало тому, чтобы племена с различным хозяйственным и общественным укладом при встрече ужились бы довольно мирно, без особых конфликтов – и породили бы новое этническое качество. Многие историки считают наиболее вероятным местом такой встречи область между Средним Днепром и Средней Волгой, а в качестве одного из археологических эквивалентов называют сложившуюся к 4500 г. до н. э. Средне-Стоговскую археологическую культуру.

Огромное значение для будущего имело то, что какие-то участники этногенеза «занесли» сюда ген толерантности к лактозе, который возник где-то в Северной или Центральной Европе около 5000 г. до н. э. Ген этот обеспечивает человеческому организму хорошее усвоение молочного сахара, а попросту говоря, возможность пить без нежелательных последствий коровье молоко. В будущих миграциях это давало индоевропейцам хороший шанс в борьбе за выживание – целая семья могла благополучно перезимовать благодаря одной корове. Если у большинства современных европейских народов процент не переносящих лактозу колеблется где-то между 10–15 % (у русских 16 %), то у южных индийцев (неиндоевропейцев – дравидов) он составляет 70 %, у китайцев 93 %.

Климатические неурядицы здесь имели место быть, но не катастрофического уровня, скорее, не позволяющие благодушествовать, побуждающие к действию и предусмотрительности. Возможно, именно здесь, среди праиндоевропейских (или ранних индоевропейских) племен, впервые в истории произошло одомашнивание лошади.

Поблизости находились старинные высокоразвитые земледельческие культуры Северо-Западного Причерноморья (Триполье, Кукутени) и Северного Кавказа (Майкопская, Кобанская), носители которых тоже отчасти участвовали в этногенезе праиндоевропейцев, а главное, у них можно было многое позаимствовать. Здесь было явственно и дыхание великих цивилизаций Древнего Востока (в поселении Трипольской культуры была найдена шумерская

печать, не исключено также, что замысловатые черточки-рисунки на глыбах песчаника Каменной могилы, что в Запорожской области Украины, – это шумерские письмена).

Если же праиндоевропейские племена враждовали между собой (без этого никак было не можно), то это не были войны на уничтожение (или были таковыми крайне редко). Примем в соображение, что «скотоводы по преимуществу», люди обычно более воинственные и в процессах этногенеза стремящиеся занять главенствующее положение, сами не могли обойтись без занятия земледелием, у них после победы вряд ли могла появиться мысль очистить земли от местного населения под пастбища для своего скота. Вопреки знаменитой «курганной гипотезе» Марии Гимбутас, археологических свидетельств погрома, учиненного индоевропейскими племенами при их расселении по Старой Европе после распада общности, не обнаружено, а ведь это расселение происходило среди чужеродных народов.

В результате праиндоевропейцы и их потомки в большинстве своем были людьми перемчивыми, умелыми, практичными (их многочисленные божества – помощники во всем и повсюду, на пашне, на пастбище, по дому, во всей жизни семьи), боевитыми. С жизнестойкой общественной структурой, когда главенствовали – управляли и обеспечивали победу на поле боя (командовали) – профессионалы или по крайней мере полупрофессионалы. У них была высокоразвитая материальная культура, богатая культура духовная (то, что мы читаем в германских эддах, ирландских легендах и русских сказках – в значительной мере от тех времен). И – могуч и велик был их праиндоевропейский язык. Существовавший всегда, представляется в виде совокупности диалектов, иногда, возможно, с трудом взаимопонимаемых.

Где-то за три тысячи лет до новой эры произошел перегрев общности. Возможно, сказались внутренняя напряженность, проблемы с климатом, тяга к перемене мест, в немалой степени связанная с одомашниванием лошади. Постепенно отдаляясь, обособились постобщности индоевропейцев. Какое-то время в тесном контакте друг с другом жили племена, в будущем участвовавшие в этногенезе греков, фракийцев, фригийцев, даков, македонцев, армян, а также арийские племена (протоиранцы, от которых пошли многочисленные народы иранского корня, и протоиндоарии). Другую группу составили потомки славян, германцев, иллирийцев, балтов и других народов. Все постобщности перечислять не будем. Постепенно все они тоже распались и расходились навстречу своим историческим судьбам. Тяжелее всех на подъем оказались славяне – или, лучше скажем, они больше всех привязались к родным местам.

Для нашей крымской тематики пока особенно важны арии. Они, двинувшись на восток, по пути завраждовали между собой и где-то около 2000 г. до н. э. разделились на две группы (предположительно в Средней Азии). Одни, не устрасясь Гималаев, направились в Индию – и получили впоследствии у историков имя индоариев.

Другие, иранцы, сами себя любили называть просто ариями – «благородными». Скромно и содержательно. Часть из них со временем оказалась в Передней Азии на Иранском нагорье, обосновалась в Средней Азии. Некоторые из народов Средней и Центральной Азии и сейчас говорят на языках иранской группы – например, таджики, пуштуны и некоторые другие народы Афганистана. Другие со временем иранские языки утратили, подвергшись тюркской экспансии. При этом стали в большинстве своем хорошо нам знакомыми смугловатыми брюнетами, тогда как индоевропейскую их основу антропологически можно было отнести к средневропейскому и восточноевропейскому типу, с большой долей светловолосых и светлоглазых индивидов (каковыми были, например, киммерийцы, скифы, сарматы – народы, с которыми мы скоро встретимся).

Что же касается остальных иранских племен – они предпочли кочевой образ жизни. Уже в «Авесте», священной книге их оседлых собратьев, встречаем мы слова осуждения для этих грубых людей. В своих оргиастических ритуалах и пиршествах бессмысленно истребляющих массу скота – неумеренно принося его в жертву богам в пьяном неистовстве под воздействием священного напитка хаомы (из похвальбы или когда просто отказывали тормоза).

В массе своей они избрали путь навстречу солнцу, добрались аж до Алтая, Памира, современного китайского Синьцзяна.

Вот они-то нам интереснее всего. Потому что, расселившись на бескрайних просторах евразийской Великой степи, не раз оглашали их стуком копыт, боевыми кликами и свистом стрел. Несколько веков – в тамошних дальних далях, а потом у азовских и черноморских берегов, в Крыму, на Кавказе, по всей Передней Азии, – когда вернулись поближе к местам своего появления на свет буйные кочевые племена. Киммерийцы, скифы, сарматы – это те, кому Крым особенно приглянулся. А еще через века им на смену, по проложенным ими степным путям, прискакали всадники иных рас, иных, тюркских и монгольских, корней.

Теперь – кое-что из «кочевой теории».

Глава 3. Кочевники

Кочевые скотоводы (номады) появились за тысячи лет до новой эры. При каких обстоятельствах – вопрос дискуссионный. Скорее всего, при разных. Земледельцы могли доверять свою живность соседним сообществам «на выпас» – тем, что из отсталых, живущих до той поры охотой и собирательством (вариант, что такие самостоятельно могли стать на этот путь, сомнителен – охотник слишком привык видеть в животном добычу и ничто иное). Номадами могли становиться группы, откалывающиеся от общего массива земледельцев на его периферию, как своего рода маргиналы. Возможен вариант вынужденного номадизма – целые племена оседлых или полuosедлых «скотоводов по преимуществу» или даже «земледельцев по преимуществу», столкнувшись со зловещим изменением климата, могли устремиться на поиски лучшей жизни, «земли обетованной» – а поиск мог и затянуться.

Исторический опыт показал, что одним скотоводством, без поддержки земледелия или земледельцев, прожить невозможно. Земледельцы всегда делали запасы «на черный день», вернее, на черные годы. Для кочевых племен, при их образе жизни, это более чем затруднительно. Вспомним, как в ветхозаветные времена, в голодную годину, семитские племена евреев прибились к Нильской долине, к фараоновскому Египту (а потом в знак благодарности назвали это «египетским пленом»).

Тысячелетиями раньше все несметное множество скотоводов-семитов, обосновавшихся в Сахаре, двинулось к Средиземному морю, на Аравийский полуостров, в Месопотамию – из-за иссыхания почв, превратившего сочные сахарские пастбища в пустыню. Ранняя история Ближнего Востока – это, по большому счету, накат все новых волн семитских племен на земли Плодородного полумесяца и на богатые пастбищами предгорья и нагорья. Случалось, одни приобщались к благам цивилизации, переходили на оседлый образ жизни, начинали заниматься земледелием, становились высококультурным народом – как смешавшиеся с шумерами аккадцы. Но тут нагрянут другие – какие-нибудь амореи, халдеи или кто там еще – и история в лучшем случае повторится.

* * *

В любом случае скотоводам-кочевникам необходим обмен с земледельцами – для получения от них плодов земли и ремесленных изделий. Как более мобильные, более боевитые они всегда по возможности стремились дополнить отношения эквивалентного обмена отношениями подчинения. И в случаях более-менее мирного этногенеза, когда знать скотоводческих племен претендовала на то, чтобы стать по крайней мере ядром элиты зарождающегося нового сообщества. И тем более в случаях завоевания, покорения. Нередок был вариант, когда скотоводы-кочевники превращались в хронических хищников и у них складывалось «набеговое хозяйство» – как то было в случае Крымского ханства.

Классическое сообщество кочевников – это то, которое ведет образ жизни, связанный с разведением домашних животных и постоянными, на сторонний взгляд порою бессистемными, перемещениями в поисках пастбищ для них. Вероятно, настоящий номадизм, а не полuosедлый, сложился на рубеже II–I тысячелетий до н. э. в степях Евразии. Для того чтобы это произошло, нужны были условия. Главное – выведение особых, неприхотливых и достаточно продуктивных пород скота, а также не просто одомашнивание лошади (впервые оно произошло, вероятно, в приволжских или причерноморских степях в IV тысячелетии до н. э.), а такое, чтобы человек мог чувствовать себя настоящим всадником, одним целым со своим конем (кентавром, если позволите привлечь мифологический образ, который, собственно, вследствие

потрясения от такого зрелища и возник, и не в Греции, а в Передней Азии – как результат нападения кочевой орды). Это было совершенно необходимо как для перегонки огромных стад, так и для битвы.

А еще необходимо было высокое чувство солидарности – родовое, племенное, а затем и ордынское. Иначе оторванные друг от друга на большие расстояния общины не смогли бы противостоять любому сплоченному нашествию. Вот почему из необъятных степей, по которым сутки скачи и никого не встретишь, при необходимости являлись армии в сотни тысяч всадников. А еще кочевники всегда обладали высоким чувством собственного достоинства и чувством справедливости. И потому, что привыкли постоянно принимать ответственные решения, и потому, что в своей организации большинство кочевых сообществ, даже межплеменных, не пошло дальше военной демократии. И не живи в душах представление о высшей справедливости, межобщинная рознь могла погубить всех. Отметим только, что справедливость понималась в духе условий и времени. Например, трусливый, малодушный, слабый не заслуживал жалости, а только презрения (а к таковым могли отнести и земледельцев вообще).

* * *

История всадничества – широкого применения кавалерии в бою – насчитывает около трех тысяч лет. Но до этого была эпоха колесниц. Однако впрягали в них поначалу не лошадей: на знаменитом шумерском «штандарте» (своеобразной аппликации из цветных материалов) XXVI в. до н. э. на тему военной победы видим запряженных в телегу с высокими бортами и на четырех сплошных деревянных колесах не то онагров, не то одомашненных африканских ослов. Выглядит это атакующее средство слишком массивным, неповоротливым, но задача состоящего из двух человек экипажа была, очевидно, не столько в собственноручном истреблении неприятеля (стрелами, дротиками, копьем), сколько в прорыве всей тяжестью ослов и телеги сомкнутого вражеского строя – каковая протофаланга стала применяться тогда в Месопотамии.

Индоевропейцы переняли это изобретение (первыми, вероятно, хетты), но существенно его усовершенствовали. В двухколесную колесницу впрягали от одного до четырех коней, а сама она была намного легче прототипа: этому способствовало изобретение колес со спицами. Экипаж состоял обычно из возницы и лучника – он же орудовал копьем и дротиками, скорость которых из-за сложения движений значительно возрастала. Но, как видим в «Илиаде», реалии которой, можно полагать, не очень отличались от более ранних хеттских (трояницы, скорее всего, были хеттам этнически близки), колесницы чаще были не подвижной «огневой точкой», как махновская или буденновская тачанка, а средством доставки: выбрав себе достойного соперника, облаченный в медные доспехи аристократ спешивался – и начинался поединок.

Утверждение всадника на спине лошади, помимо практических результатов этого достижения, было актом великого мужества. Потребовались века, чтобы изобрести эффективную узду – с удилами, псалиями и поводьями, подковы, седло, шпоры, – наконец, стремяна. А ведь когда начинали, ничего этого не было. Смелчак держался за гриву коня, изо всех сил сдавливая внутренней поверхностью ног его бока, а под собой имел разве что подстилку. А какая нужна была сноровка, чтобы просто залезть на лошадиную спину? Отчаянные же ребята были эти первые кавалеристы!

Впрочем, следовавшие за ними тоже. Всякое изобретение означало в первую очередь не удобство, не повышение безопасности, а открытие новых возможностей: управления конем, доведенного до полного слияния двух волей, чудес джигитовки, меткой стрельбы, устойчивости в поединках и при маневре. А чего стоило выведение новых пород лошадей – быстрых, бесстрашных, выносливых, преданных хозяину? Совершенствование их выездки и ухода за ними? Изготовление самого подходящего коннику оружия, выработка тактики и приемов боя?

А сколько надо было всаднику работать над собой – и над воспитанием будущего всадника, с самого младенчества? Излюбленная аристократами всех времен загонная охота – сейчас она, может быть, не более чем забава для повышения содержания адреналина в крови, а прежде это была лучшая тренировка, по степени риска и требуемым для успеха качествам максимально приближенная к боевой обстановке. У кочевников весь жизненный уклад был в значительной степени подстроен под всадника.

Глава 4. Народ тавров

Но сначала не о кочевниках, а о народе оседлом. Одним из продуктов сложных этногенезов, о которых шла речь выше, могли быть тавры – народ, весьма нелестно охарактеризованный античными авторами, – на что, однако, есть основания возразить.

Тавры известны с IX в. до н. э. как носители Кизил-Кобинской культуры в горных и предгорных районах полуострова. Происхождение их неясно. Возможно, это народ иранского корня – в пользу этого говорит большое сходство Кизил-Кобинской культуры с культурой Белозерской, распространенной в степной полосе Украины и Молдавии (но отдельные памятники которой имеются и в Крыму): считается, что в Белозерской культуре произошел основной этногенез киммерийцев. Но Кизил-Кобинская культура имеет немалое сходство с замечательной северокавказской Кобанской культурой (особо славящейся изделиями в «зверином стиле») – ее носители, которые не были индоевропейцами, возможно, тоже приняли участие в этногенезе тавров.

С IX по VI в. до н. э. тавры жили небольшими поселениями, занимались скотоводством, а по берегам рек – мотыжным земледелием. Недостаток металлов (их мало в Крымских горах) обусловил широкое использование изделий из камня, кости, кожи. Бронза шла в основном на оружие, украшения и на элементы конского набора.

Тавры поклонялись в пещерах подземным духам (там обнаружены многочисленные останки принесенных в жертву животных). Главным же объектом поклонения у них, как и у некоторых окрестных народов, была богиня плодородия, известная грекам под именем Дева. Ей приносили и человеческие жертвы.

Вот что читаем о таврах у Геродота, побывавшего в Северном Причерноморье в середине V в. до н. э. и заставшего тавров в горах и на побережье – очевидно, из предгорий их вытеснили киммерийцы. «У тавров существуют такие обычаи: они приносят в жертву Деве потерпевших крушение мореходов и всех эллинов, которых захватят в открытом море, следующим образом. Сначала они поражают обреченного дубиной по голове. Затем тело жертвы, по словам одних, сбрасывают с утеса в море, ибо святилище стоит на крутом утесе, голову же прибавляют к столбу. Другие, соглашаясь, впрочем, относительно головы, утверждают, что тело тавры не сбрасывают со скалы, а предают земле. Богиня, которой они приносят жертвы, это, по их собственным словам, дочь Агамемнона Ифигения (обычно греки ассоциировали Деву не с Ифигенией, принесенной в жертву Артемиде собственным отцом Агамемноном, вождем идущей на Трои греческой рати, а с самой Артемидой). Но существовал вариант мифа, в котором уже на жертвенном алтаре богиня заменила девушку ланью, а саму ее чудесным образом перенесла в Тавриду, т. е. к таврам. Вполне возможно, что жестокое обращение тавров с мореплавателями породило о них молву, дошедшую и до Гомера. В его «Одиссее» листригоны, кровожадные великаны, разбившие камнями одиннадцать кораблей и пожравшие попавших к ним спутников Одиссея, обитают в «узкогорлой бухте» (а именно такова бухта Балаклавская. – А. Д.). С захваченными в плен врагами тавры поступают так: отрубленные головы пленников относят в дом, а затем, воткнув их на длинный шест, выставляют высоко над домом, обычно над дымоходом. Эти висящие над домом головы являются, по их словам, стражами всего дома. Живут тавры разбоем и войной».

У более поздних авторов отзывы тоже нелестные. Страбон (I в. до н. э. – I в. н. э.) сообщает, что близ гавани Симболон (Балаклава) собираются разбойничьи шайки тавров и устраивают нападения на корабли. Тацит (I в. н. э.) сообщает о гибели от рук тавров римской когорты, попавшей в кораблекрушение. Аммиан Марцеллин, живший уже в IV в. н. э., сравнивает с таврами римскую чернь – такую же злобную, разнузданную и крикливую («ревет, подобно таврам»).

Но есть и иная информация для размышления. В могилах самих тавров и в их поселениях при раскопках никаких особых богатств не найдено, более того – почти нет привозных вещей. Очевидно, прибрежные тавры при случае занимались пиратством, но при этом не забрасывали ради него свой основной промысел – рыболовство и сбор даров моря в полосе прибоя. Да и в пиратстве в те времена многие народы не видели ничего зазорного: при тогдашнем разграничении понятий «свой – чужой» иноземный корабль воспринимался как то, что «бог послал».

Можно поставить под сомнение и повышенную воинственность тавров: так, они отказали скифам в их просьбе помочь им в войне с персидским царем Дарием, а оснований опасаться царской кары у них не было. У того же Марцеллина в перечне таврских племен с наиболее жестокими нравами находим и синдов – а это племена, к таврам отношения не имеющие, обитавшие вообще не в Крыму, а на Таманском полуострове (только много позже синды основали на крымском побережье свой город Сугдею – нынешний Судак. Интересно происхождение синдов. Вероятно, они ведут его от индоариев – но тех, что после отделения от иранцев в Индию почему-то не пошли, а обосновались в конце концов в азовских плавнях).

Так что тавров, возможно, трудно было обвинить в какой-то особой некоммуникабельности. Скорее похоже на то, что античные авторы сделали из них некий собирательный образ – как следствие того, что они не встретили с распростертыми объятиями высадившихся здесь греческих колонистов. Да и с чего бы, спрашивается? Но когда колонии появились, отношения некоторое время складывались довольно мирные. В Керкинитиде, основанной на месте нынешней Евпатории, тавры составляли немалый процент населения. Греки даже переняли у тавров культ Девы, поклоняясь ей наряду со своими богами.

Ситуация несколько изменилась, когда греки-дорийцы из Херсонеса стали вытеснять тавров с их земель, а их самих обращали в крепостных. Тогда в херсонесском некрополе стали появляться надгробия с пояснительной подписью: «Убит таврами». Но в те же времена на том же кладбище появлялись и захоронения тавров – вряд ли это было бы возможно при полном разладе между двумя народами.

Впрочем, однажды тавры изрядно насолили своим обидчикам. Не без их подстрекательства и их поддержки скифы в 109 г. до н. э. захватили вошедшую к тому времени в состав Херсонесского государства Керкинитиду и построенную херсонесцами Прекрасную Гавань. Прибывший на помощь грекам во главе понтийского войска полководец Диофант разгромил захватчиков, но отбитые города так и не вернулись в прежнее состояние (подробнее об этих событиях ниже).

Со скифами, появившимися в Крыму во второй половине VIII в. до н. э., тавры, используя терминологию Льва Гумилева, обладали положительной комплиментарностью. То есть, – по большому счету, на уровне этносов, – они находили взаимопонимание и умели уживаться. С конца III в. до н. э., когда центр Скифского государства переместился в Крым (к этому привели тяжелые для скифов внешние обстоятельства, но сейчас не об этом), ускоренно пошел процесс ассимиляции тавров скифами. Тавры и прежде многое заимствовали из скифской культуры, а теперь их вообще стали называть тавроскифами. Как самостоятельный народ тавры перестали упоминаться с IV в. н. э.

Глава 5. Киммерийцы и скифы

Теперь – о великих кочевниках, наследниках древнейших индоевропейских культур: ямных, катакомбных, срубной, Белозерской и других – о тех, что породили народы иранского корня.

Как выше уже было сказано, основной этногенез киммерийцев произошел скорее всего среди носителей Белозерской культуры, в степях нынешней Украины и Молдавии. Но в нем участвовали, помимо прочих, и племена балканской Сабатиновской культуры: племена эти отличились тем, что были среди «народов моря», в XIII–XII вв. до н. э. потрясших многие царства. Разрушивших Хеттскую державу, дерзко атаковавших Египет, возможно, ставших инициаторами Троянской войны.

О раннем этапе существования киммерийцев сведений мало. Жили оседло, по берегам рек и лиманов. Занимались преимущественно скотоводством, но не пренебрегали и земледелием, владели металлообработкой (бронзы, железа). Кризис хозяйства, вызванный, вероятно, переменной климата, привел к возрастанию значения скотоводства и к подвижности племен: лошадь превращается в незаменимого спутника жизни, киммерийцы становятся кочевниками. Когда проникли в Крым – точно не установлено.

Имя народа, закрепившееся в истории, не было его самоназванием. Но некоторые исследователи считают, что это искаженное «гиммиру» (большой, сильный) – так называли этот народ ассирийцы. Другие производят его от греческого слова, означающего «зимние» – те, кто живет на холодном, бессолнечном севере. У Гомера в «Одиссее»:

Там киммериян печальная область, покрытая вечно
Влажным туманом и мглой облаков, никогда не являет
Оку людей там лица лучезарного Гелиос...

(Помните, у Пушкина в «Каменном госте»: «А далеко на севере, в Париже...»)

Носили киммерийцы, как и большинство кочевников, кожаные куртки, штаны, сапоги. Стоит остановиться на их головном уборе. Многие имеют представление о красном «фригийском колпаке» – матерчатой шапочке, островерхо поднимающейся над головой и заломленной вперед. Во времена Великой французской революции колпак этот почему-то полюбился якобинцам и они сделали его символом свободы (одно из объяснений – при короле такие носили галерные каторжники). Для наглядности можно видеть его на знаменитой картине Эжена Делакруа «Свобода, ведущая народ» – там он на голове Марианны, символизирующей Францию. Так вот, фригийцы позаимствовали шапочку у киммерийцев, когда те громили Малую Азию, и их страну тоже.

Киммерийцы были отличными всадниками и стрелками из лука, умело пользовались колесницами. Это засвидетельствовано в письменных памятниках народов Древнего Востока, которым на собственной шкуре пришлось убедиться в боевых качествах степных воинов.

В киммерийских погребальных камерах под курганами находят наконечники стрел, иногда останки принесенных в жертву коней в полной сбруе, детали колесниц. Ничего лишнего. Их подруги уносили в мир иной, помимо домашней утвари, немало украшений, в том числе золотых; несомненно, значительная их часть – добыча мужей в боевых походах.

* * *

О непримиримых врагах киммерийцев – скифах до нас дошло гораздо больше сведений. Иногда, правда, таких, в какие трудно поверить. Отец истории, Геродот сообщает нам, что скифы ослепляли своих рабов – единственно для того, чтобы они, перед тем как перемешать в чане парное кобылье молоко, не выпили то, что сверху, – оно особенно ценилось скифами (смаживает на гадкую страшилку предперестроечной поры: «Мне мама в детстве выколола глазки, чтоб я в шкафу варенье не нашел...»).

О происхождении скифов Геродот приводит такие сведения. Сами они утверждали, что их народ – самый молодой на свете. Первым человеком, поселившимся в необитаемых доселе причерноморских степях, был Таргитай – сын Зевса и дочери бога реки Борисфена (Днепра). У него было три сына: старший Липоксаис, средний Арпоксаис и младший Колаксаис. И однажды к ним прямо с неба упали золотые вещи: плуг, ярмо, секира и чаша. Когда братья подошли к ним и старший протянул руку, чтобы взять, из золота вырвалось обжигающее пламя. Такая же участь постигла и среднего. Только младший, Колаксаис, смог благополучно завладеть ими. Старшие братья восприняли это как знамение свыше и признали за младшим право на власть. От старшего брата произошло племя авхатов, от среднего – племена катиаров и траспиев, а от младшего из братьев, царя, – племя паралатов. Все вместе эти племена назвались сколотами, или царскими. Греки называли этот народ скифами (этноним скорее всего имеет древнюю индоевропейскую основу, означающую «стрелять», «стрелок из лука»).

Отец Таргитай поделил страну между сыновьями. Самая большая часть, где хранились золотые диковинки, отошла младшему. Вообще же страна скифов, по Геродоту, очень велика. Севернее ее идут области с очень плохой видимостью: в отдалении трудно что-либо различить из-за того, что в воздухе постоянно полно пуха. Причину явления историк оставил разгадывать нам: то ли это, как сразу приходит в голову, снег, то ли разгадку можно найти в строках Багрицкого: «Тополей седая стая, воздух тополиный». Можно возразить, что сезон тополиного пуха не так уж долгов – но ведь и до круглогодичных снегов от страны скифов очень далеко.

Местные греки поведали Геродоту свою версию происхождения народа скифов. Связана она с великим героем Гераклом. Десятый из его двенадцати знаменитых подвигов заключается в том, что по воле микенского царя Эврисфея он должен был пригнать на царский скотный двор быков (по более распространенной версии – коров) трехглавого и трехтулого великана Гериона, жившего на острове в Океане, за Геркулесовыми столпами (т. е. за Гибралтарским проливом). Просто похитить не получилось – по ходу дела пришлось убить сначала стражей стада, пастуха Эвритона и двуглавого пса Орфа, а потом и самого Гериона. Как следовало из услышанного историком рассказа, Геракл почему-то гнал свою добычу в том числе и через пустынное еще Северное Причерноморье. Маршрут вроде бы странноватый, от Гибралтара до греческих Микен можно было найти путь покороче – но рассказчики разрешили сомнение доводом, что Океан обтекает всю Землю, а сделать небольшой крюк по его побережью такому герою нипочем (вспомним заодно «он шел на Одессу, а вышел к Херсону» – это тоже случилось как раз в тех местах).

Края эти оказались негостеприимными, было дождливо и холодно. Герой укрылся на ночь в пещере. А проснувшись, обнаружил пропажу своих упряжных коней, которых с вечера пустил попасись. Длительные поиски обнаружили, что коней похитило странное существо – полудева-полузмея (внизу змея, от ягодиц и выше – дева). Прелестница объявила, что вернет коней только после того, как пришелец вступит с ней в любовную связь. Связь затянулась, у парочки родилось трое сыновей – Агафис, Гелон и Скиф. Наконец, наступил момент расставания. Прощаясь, Геракл протянул женщине свой лук и пояс со словами: «Когда сыновья подрастут, испытай, кто из них сможет натянуть мой лук и опоясаться поясом. Кто способен на

такое – пусть останется жить здесь, кто нет – того гони в другие земли». Когда спустя годы состоялось испытание, прошел через него только Скиф. От него и произошли все скифские цари.

Самому Геродоту более достоверной показалась версия, что скифские племена пришли на эту землю с Востока. Позднейшие исторические изыскания в целом подтвердили его правоту, с тем только уточнением, что этногенез протоскифов произошел именно в этих краях, в степях Северного Причерноморья. Здесь их предки и предки киммерийцев произошли из одного круга культур, здесь они обрели навыки кочевников, овладели верховой ездой и колесницами, стали выносливыми и воинственными. Потом, как и некоторые другие иранские племена (саки, массагеты), двинулись степями на восток (при этом логично допустить, что в еще более отдаленные времена произошло передвижение части ариев-иранцев, а именно тех, что предпочтут кочевую жизнь, на запад – если они действительно около 2000 г. до н. э. расстались с индоариями где-то в Средней Азии. Но по поводу всех вышеописанных этногенезов и перемещений народов существует множество гипотез, поэтому за истину в последней инстанции пока принимать ничего нельзя).

Именно там, по пути на Алтай и на самом Алтае, после встреч со множеством народов разных культур (порою сильно отличающихся друг от друга) они и стали теми скифами, которых мы привыкли подразумевать под этим словом.

Встречаться им приходилось и с другими кочевниками, в том числе совсем другого корня: тюрками, монголоидными хунну и другими. Велико было влияние и оседлых цивилизаций. В коллекциях Государственного Эрмитажа находится множество артефактов, связанных со скифами. Массовым интересом пользуется т. н. «золото скифов» – золотые изделия, собранные начиная еще со времен Петра Великого, с его «Сибирской коллекции». Но, пожалуй, главная ценность – вещи из раскопок алтайских курганов, датируемых VI–IV вв. до н. э. Они дошли до нас в первозданной сохранности и красоте благодаря уникальному природному явлению: в погребальных камерах курганов образовалась вечная мерзлота «местного значения», и их содержимое оказалось законсервированным на тысячелетия. Колесницы, оружие, конская упряжь, одежда, ткани, войлочные ковры – с узорами и изображениями, сохранившими прежние изящество и красочность, металлические, деревянные, кожаные изделия – то, ради чего люди специально приезжают в Петербург с другого конца земли. Во многих из этих вещей чувствуется влияние китайской цивилизации: и как непосредственные заимствования, и как преломленное через культуру дальневосточных кочевников.

Замечателен «Скифо-сибирский звериный стиль». Он имел предшествующие аналоги, несет на себе их следы. Но, сложившийся на духовной почве кочевников Евразии, он стал явлением огромного значения, оказавшим влияние на культуру многих народов и эпох. Мы видим его у лесных финнов (особенно известен Пермский звериный стиль), у древних германцев, у приполярных саамов. Его отголоски – в узорах на дракарах скандинавских викингов и в русской народной вышивке, в каменной резьбе на фасадах древнерусских соборов.

В этом стиле чувствуются отголоски тотемизма: взгляд на животных не отстраненный, а как на себе подобных. Изобразившие их мастера ими любят, им сочувствуют, соперничают. Завидуют их ловкости, скорости, мощи, неукротимости – хотят быть им подобными. Да украшения «звериного стиля» тому и служат: это не красивые безделушки, это магические талисманы, способные наделить обладателя качествами изображенных или уберечь от злых сил, помочь одолеть их.

Вот изображен барс, терзающий лань. Что, жалко несчастную? Все совсем не так. Лань здесь – воплощение злого духа. Убегающей охотничьей или боевой удачи; обольщения, способного приманить – и обмануть, исчезнуть. Себя самого кочевник ассоциирует, конечно, с хищником. Эти звери всегда изображены мощными, пружинистыми.

Явление в искусстве иного рода, но в чем-то схоже. Посмотрим на ассирийские барельефы, изображающие сцены охоты. Они созданы в государстве недавних кочевников-семитов и не без влияния евразийского звериного стиля. На них человек – охотник, убийца. Но как гордо, не смиряясь, как красиво умирают убиваемые им хищные звери. Видно, что человек в свой смертный час сам хотел бы быть похожим на них, с таким же достоинством встретить в бою смерть (а охота и была подготовкой к битве).

* * *

И вот во всеоружии нового опыта, новых достижений волны кочевников-иранцев стали накатываться с востока на запад. Они недружелюбны, эти саки, сарматы, скифы, массагеты и прочие. Их перемещения во многом связаны с их взаимной враждой. И как результат, оказавшись на прародине, скифы набрасываются на киммерийцев, с которыми их связывало когда-то общее происхождение. Только кто теперь будет об этом вспоминать? На них самих нападают исседоны, исседонов тоже кто-то теснит... Такова кочевая жизнь!

Вернувшись в Причерноморье во второй половине VIII в. до н. э., скифы изгнали киммерийцев и из Крыма, и из прилегающих степей. Вот что рассказал об этих событиях через три столетия, на основании успевших уже сложиться легенд, Геродот.

Вожди киммерийцев были настроены дать отпор пришельцам, лечь лучше костями, чем оставить родные степи. Но их народ в массе своей был настроен пораженчески. И когда на общем собрании воинов было постановлено уступить завоевателям, вожди с этим не согласились и сами решили свою участь. Они разделились на два отряда и в присутствии соплеменников вступили между собой в смертный бой, из которого никто не вышел живым.

Изгнанные, однако, не обрели покоя. Как утверждает Геродот, значительная часть скифов, оставив жен и детей, кинулась их преследовать. Что уж там у них между собой успело стрястись, какие были поводы для неискоренимой неприязни, какие несмываемые обиды, мы никогда не узнаем. В древности такое случалось, личный фактор значил очень много: пустяшная обида, нанесенная вождю, не прощалась не только им, но и соплеменниками. Вождь – это олицетворение сообщества, оскорбив его, оскорбили всех.

Впрочем, возможно, на самом деле скифы не «бросились вдогонку», а взяли с киммерийцев пример: отправились в набег (растянувшийся на многие десятилетия) на области древних переднеазиатских цивилизаций – с их плодородными, веками лелеемыми землями и несметными богатствами (особенно если хорошо потрепсти).

* * *

И скифы, и киммерийцы представляли собой огромную опасность для их не чаявших беды обитателей. Сам по себе неожиданный приход мобильных конных орд ужасал, и не только мирное население – тамошние полководцы долго не могли приспособиться к необычной для них тактике ведения боя. Особенно горазды были степняки на обманные маневры, на неожиданное разделение конной массы и охваты. Недавно скифы изобрели наконечники для стрел, названные по их имени скифскими, которые позволяли стрелять далеко и очень метко, киммерийцы быстро переняли новацию.

Киммерийцы, пройдя через западные перевалы Большого Кавказа, устроили себе опорную базу в Западной Грузии, совершая оттуда набеги на царство Урарту. Около 714 г. до н. э. они нанесли урартскому войску серьезное поражение. Но кочевники не умели еще брать крепостей, а их в Урарту было много, и царю Русе I удалось довольно успешно противостоять им.

Тогда киммерийцы перебрались на северо-восток Малой Азии и, обосновавшись там, повели войну с фригийским царем Мидасом (тезкой одного из его предшественников – того,

у которого были ослиные уши и который своим прикосновением все обращал в золото). Но совершали также разбойные набеги на Ассирию и Урарту.

В 680 г. до н. э. ассирийский царь Асархаддон, государь могущественный и славный, перешел через горы Тавра и разбил новоявленных соседей. Их царь Теушпа погиб, часть уцелевших воинов пошла на ассирийскую службу. Им еще повезло, обычно ассирийцы захваченных с боя в плен не брали – но могли сделать исключение для опытных кочевников и колесничих.

* * *

Битвы с ассирийским войском были серьезной проверкой для киммерийцев, а позднее скифов. По происхождению ассирийцы тоже кочевники (только не такие «классические»). Их далекие предки-семиты начали свой путь в Месопотамию (междуречье Тигра и Евфрата) за несколько тысячелетий до новой эры, из стремительно превращавшейся в пустыню Сахары.

Народ это был воинственный, а его цари – с большими державными амбициями. Страна постоянно вела войны с Вавилонией, Урарту, сирийскими царствами, Фригией, Израильским царством (которое в 722 г. до н. э. разгромила), Египтом, мидянами и другими – с кем только можно. Создав при этом первую, пожалуй, в истории империю, диктуя порою свои условия фараонам (и даже господствовали в стране на Ниле на протяжении 15 лет).

Наряду с сильной пехотой, являвшейся основой ассирийской армии, всадники, колесницы тоже были широко представлены в ней. В IX в. до н. э. конница стала выделяться в самостоятельный род войск – со своим управлением и организованной подготовкой всадников. До стремян еще никто в мире не додумался (это произойдет через тысячу с лишком лет), но появилось высокое удобное седло. Чтобы всадники на спине коня меньше думали о сохранении равновесия, они вели бой парами: один был вооружен луком, другой копьем, но главное, у этого второго был широкий щит, и основной его задачей было оберегать стрелка.

Самым интересным нововведением были инженерные войска – тоже как самостоятельная часть армии. В их ведении были осадные башни, тараны, катапульты, штурмовые лестницы, бурдюки, с которыми ассирийцы переплывали реки, весь необходимый инструмент для ремонта дорог и устройства мостов и переправ.

В середине VIII в. до н. э. ядро ассирийской армии стало профессиональным, составляя так называемый «царский отряд». Племенные ополчения привлекались все меньше, повелители предпочитали теперь пополнять армию лучшими воинами побежденных, даруя им жизнь.

Но общий дух армии был таков, что ее цари, вожди и воины, бесстрашные до самоотвержения, не знали пощады и редко миловали врага. Взятая штурмом крепость срывалась до основания, ее защитников, как и плененных в открытом бою, ждала чудовищная расправа. Живых людей жгли, сдирали с них кожу, сажали на кол. Тысячами связывали кожаными ремнями – так, что не шелохнуться, и из этих тысяч складывали огромные штабеля, обрекая людей на долгую мучительную смерть. Захваченных вождей торжественно казнили в своей столице – Ниневии.

Правда, перед началом военных действий и перед штурмом крепости ассирийцы всегда предлагали покориться им без боя – и если это происходило, держали слово, были довольно милостивы, не только сохраняли жизни, но и не очень обременяли повинностями. В случае же сопротивления истреблялись не только воины, но и мирное население – поголовно, без разбора пола и возраста. То же ждало восставших.

Таковы были ассирийские боги – они требовали безусловного повиновения, а всякое нарушение их установлений предполагало жестокую казнь. И на сопротивление противника, и на восстания покоренных народов ассирийцы смотрели как на бунт против своих богов, как на богохульство. Не правда ли, схожий настрой встречаем и на страницах Ветхого Завета: еврей-

ские воины, подобно ассирийским, не знают пощады; в захваченном городе, следуя данной своему племенному богу Яхве «военной присяге», истребляют все живое – вплоть до последнего осла, до последнего пса.

Вскоре после первых столкновений ассирийцы переняли скифские стрелы (следом это сделали и другие народы), изучили тактику степняков и придумали способы противодействия ей.

* * *

Оправившись от поражения, киммерийцы заключили было союз с фригийцем Мидасом против Урарту, но царь последнего Руса II благополучно перекупил их, и они вместе с ним пошли на Фригию и ее союзников. В разгоревшейся в 675 г. до н. э. войне Фригию ждало жестокое поражение, престарелый Мидас погиб, киммерийцы отводили душу в его осиротевшем царстве повальными грабежами.

Но к этому времени, явно им не на радость, в регионе появляются их хорошие знакомые – скифы. Предшествующие годы они провели в Восточном Закавказье, на территории Азербайджана. Там они основали полукочевое государство под названием Ишкуза. В это новообразование были включены и местные племена, а те из них, которые пасли скот в горах, были скифами ассимилированы.

Скифы внимательно следили отсюда за всем тем, что происходит в Передней Азии. Налаживали отношения с родственной по языку и по корням Мидией (мидийцы – ближайшая родня персам, и все они вместе со скифами и киммерийцами – иранцы). А вскоре скифы уже не следили, а участвовали в переднеазиатских делах. Их царь Ишпакай погиб в войне с Ассирией. Тогда заключили союз с мидянами против ассирийцев. А в недалеком будущем – с ассирийцами против мидян. Не стоит осуждать непостоянство кочевников, там все вели себя подобным образом. С кочевников спроса меньше, они были людьми пришлыми, а остальные наверняка имели с кем-то сложившиеся отношения, давние симпатии.

Скифы обрели большое влияние. Мидия стала зависимым от них государством, большие скифские отряды вторгались в Сирию, Иудейское царство, даже Египет вынужден был откупиться от них. А где-то ок. 653 г. до н. э. они добрались до своих заклятых недругов: царь Мадий с большим войском ворвался на опорную территорию киммерийцев в Малой Азии и перебил там многих из них – судя по всему, избаловавшихся от вольной разбойной жизни. От полного уничтожения их спасло только то, что в Ассирии началась смута, и скифы незамедлительно устремились туда за легкой поживой.

Так что киммерийцам довелось еще повоевать с малоазийским царством Лидией, и в бою с ними погиб его царь Гигес. Для разрядки – вспомним историю, каким образом Гигес пришел к власти. В молодости он был всего лишь телохранителем у лидийского царя Кандавла. Этот Кандавл был без меры влюблен в свою юную красавицу жену, и отсутствие меры проявилось, в частности, в том, что он буквально заставил своего телохранителя полюбоваться на ее наготу. Укрытый за занавесом, Гигес лицезрел, как женщина готовится ко сну. Но царица цепким женским взглядом заметила слежку, однако вида не подала. Наутро она дозналась, в чем дело. И поставила Гигесу (который, надо думать, был ей небезразличен) условие: или он убивает Кандавла, становится царем и берет ее в жены – или умирает сам. Понятно, что верный телохранитель выбрал не второй вариант.

Гигес, надо признать, оказался на своем месте: он существенно расширил границы государства, благодаря чему Лидия получила выход к морю. Но в 650 г. до н. э. погиб в битве с киммерийцами, защищая от них свою столицу Сарды.

После этого киммерийцы еще повоевали, еще пролили немало кровушки, но из анналов истории они вскоре исчезают, вероятно, растворившись среди исконного местного населения – надежной в историческом масштабе привязки к этой земле они обрести не сумели.

О пребывании же в Передней Азии скифов еще не раз упоминалось в ассирийских хрониках и других исторических памятниках (в «Истории» Геродота, в частности). Но и они, хоть и изрядно подмяли под себя мидийское государство, глубоких корней здесь не пустили. Однажды мидийский царь Киаксар пригласил знатнейших скифов к себе на пир, его вельможи изрядно их напоили (скифы это дело любили) – и всех прикончили. Оставшись без руководства, скифы были вынуждены покинуть Мидию.

Какое-то время они еще продержались в регионе, базирясь на свои владения в Закавказье, в Ишкузе. Но в начале V в. до н. э. покинули и эти края, двинулись в природное свое Причерноморье. Часть их задержалась или осела на Северном Кавказе – там археологи находят их следы, но подробностей не известно.

Пребывание скифов в Передней Азии не прошло для них бесследно. Они многое усвоили в искусстве ведения войны, в вооружении (в главном для себя). Переняли, например, пластинчатые металлические панцири – главную принадлежность тяжелой кавалерии. Не только переняли, но и развили идею: их мастера-оружейники изобрели более надежный чешуйчатый панцирь на кожаной основе.

Геродот утверждает, что жены скифов, оставленные на время похода дома, успели нарожать детей от рабов (тех самых, которых хозяева якобы ослепили, чтобы не лакали кобыльи сливки). Дети эти подросли (еще бы – как-никак прошло более столетия) и решили не допустить возвращения законных супругов своих матерей. Для чего насыпали оборонительные валы и выступили на битву. Держались они хорошо, скифы долгое время ничего не могли с ними поделать. Наконец, один сообразил: они так доблестно бьются, потому что видят, что мы считаем их за равных себе. А что, если их – кнутами? Так и поступили. В пасынках, как только те увидели приготовленные для них бичи, сразу заговорила рабья кровь, они задрожали и разбежались. Так скифы вернулись восвояси.

При всем уважении к Отцу истории за этой легендой трудно разглядеть какие-то реальные события. Не говоря уж о временном промежутке, в поход никак не могли уйти все мужчины, даже их большинство – иначе и возвращаться было бы некуда, вон сколько орд напирало вслед аж от самого Алтая в поисках пастбищ.

Что касается упомянутых выше «скифских валов», то могли иметься в виду различные сохранившиеся частично и до наших дней сооружения. Змиевы валы южнее Киева, Траяновы валы по Днестру, Перекопский вал и другие. Возможно, начальный этап возведения каких-то из них действительно относится к скифским временам, но основные работы были проделаны гораздо позже, при готах, римлянах или славянах – со II в. до н. э. по VIII в. н. э.

О славянском участии, возможно, свидетельствует следующая легенда. Богатырь Никита Кожемяка одолел Змея, а тот, поверженный, предложил: не губи меня, а давай лучше поделим с тобой землю пополам. Никита изготовил подобающую соху в триста пудов весом, впряг Змея, и они прочертили пограничную полосу от стольного Киева до Синя моря. Моря Никита бороздить не стал, Змея убил, а труп забросил в волны. Так появились Змиевы валы, а тело убиенного пресмыкающегося, возможно, стало островом Березань в Днепровском лимане.

* * *

Геродот побывал в Скифии в середине V в. до н. э., в годы, когда его родная Греция переживала высочайший взлет культуры – подобного, может быть, не повторилось больше за всю историю человечества. Одной из причин этого подъема считается успешное отражение греками страшного персидского нашествия в начале столетия.

А еще раньше, между 519 и 512 гг. до н. э., состоялся поход на Скифию огромного войска персидского царя Дария I (по Геродоту, численность войска составляла около 700 тысяч человек, но это, представляется, очень большое преувеличение).

Внятного морально мотивированного повода для нападения у повелителя не было, разве что ссылки на давние уже похождения скифов в переднеазиатских пределах, а если по совести – экспансионизм чистой воды. Желание не только расширить свою и без того огромную державу (от Инда до Нила), но и сплотить ее народы совместным деянием, славной победоносной войной. Персидская империя была настолько разношерстна, что у Геродота страницы уходят на описание многочисленных контингентов двинувшегося в поход воинства, включая самые экзотические: вплоть до каких-то африканцев в доспехах из страусовой кожи. Дарий хотел на деле проверить боеспособность своей армии и повысить ее в видах более серьезных, как он полагал, предстоящих походов. В них он должен был вслед за титулом «победителя всей Азии» снискать титул «победителя всей Европы».

К западной оконечности Малой Азии войско доставили корабли подвластных персидскому царю греческих ионийских городов. Греческий инженер Мандрокл соорудил понтонную переправу через Босфор – из сцепленных бортами кораблей. Армия вступила во Фракию – и фракийские народы покорились практически без боя, только геты оказали сопротивление – но были быстро разбиты и сочли за благо встать в ряды победителей. Затем – переправа через Дунай.

Скифы следили за каждым шагом персидской армии. И незамедлительно обратились за помощью к соседним народам. Когда их вожди собрались вместе со скифскими царями на совет, им был приведен довод: царь (Дарий) идет не против нас одних, он покоряет всех, кто ни встретится на пути. Покончит с нами – примется за вас.

Но ответного энтузиазма скифы не встретили, разве что савроматы обещали помочь со временем. Выходило, рассчитывать надо только на себя.

План действий был разработан такой. Женщин, детей, стариков – немедленно в кибитки и на северные границы скифских владений, в лесостепную полосу и леса. В открытый бой не вступать. Выделить большой отряд отборных всадников. Они должны были дразнить врага, имитировать готовность вступить в бой – но на деле сразу же отступать. Причем отступать таким образом, чтобы заманить персов во владения отказавших в поддержке народов – чтобы те, наконец, оказали сопротивление.

Так и стали действовать. Но заманивать-то на соседские земли заманивали, только их обитатели, завидев, какая страшная сила на них надвигается, сразу начинали искать спасения там же, где и скифские женщины. Агафирсы и подавно – заявили скифам, что, если те посмеют по каким бы то ни было военным нуждам вступить в их владения, они встретят решительный отпор.

И тогда скифы перешли к тактике, которую впоследствии так и назвали – скифской и называют уже два с половиной тысячелетия. К тактике выжженной земли и партизанских наскоков. Летучие отряды убивали воинов, отправившихся на поиск продовольствия и корма для лошадей. Постоянно совершались наскоки на вражеское войско, при этом опрокидывали конницу и гнали ее перед собой – в результате она расстраивала ряды собственной пехоты. Но с пехотой скифы в ближний бой не вступали, только обстреливали ее из луков; при этом они имели обыкновение пускать коня рысью прочь от вражеского строя, но отнюдь не со страха: круто повернувшись в седле всем туловищем назад, им удобно было прицеливаться.

Так продолжалось довольно долго, и Дарий, наконец, понял, что дело становится худо. Он послал гонца к скифскому царю Иданфирсу со словами примерно следующего содержания: «Чудак! Зачем ты все время убегаешь? Если ты считаешь себя в состоянии противиться моей силе – остановись и сразись. Если нет, то, принеся в дар твоему владыке землю и воду, вступи в переговоры».

Иданфирс ответил, что он вовсе не убегает. Что он живет в такой стране, в которой ни городов, ни селений – так что защищать в ней нечего, и он просто ездит по степи, куда ему вздумается. Но в стране этой, продолжал он, есть еще отеческие могилы, и если пришельцы вздумают надругаться над ними – они узнают, как сражаются скифы. Владыками же своими скифы признают только своих богов Зевса и Гестию (богиню семейного очага и жертвенного огня). А вместо земли и воды они пошлют царю такие дары, что, посмотрев на них, он сам должен понять, что они значат. Но за то, что Дарий назвал себя владыкой над Иданфирсом, он еще дорого заплатит!

Скоро персидский царь получил обещанные дары. Ими оказались птица, мышь, лягушка и пять стрел. Дарий повеселел, рассудив: мышь обозначает землю, лягушка – воду, птица по быстроте схожа со скифским конем. Ну а стрелы – он их отдает, отказываясь от сопротивления!

Придворные охотно согласились со своим повелителем. И только один из них рассудил иначе: скиф хочет сказать, что если мы не улетим, как птицы, не нырнем в воду, как лягушки, не ускользнем, как мыши, – нас ждет смерть от этих стрел!

Настроение сразу переменилось: действительно, все начинало складываться согласно этому истолкованию. А потом было отступление, были огромные потери: умершими от болезней, от плохой пищи и воды, от скифских стрел. Дорог в степи не было: отстать, отбиться, потеряться ничего не стоило – а это означало верную смерть.

Огромным потерям поспособствовал и сам Дарий: однажды перед выходом он приказал оставить в лагере всех больных и слабосильных и всех ослов. Ослов – чтобы они ревели, и скифы думали, что войско в стане. А больных и слабосильных – чтобы от них избавиться. Но самим им сказали, что войско отправляется на решающую битву, а они остаются, чтобы охранять лагерь и чтобы набраться сил.

* * *

После этого нашествия скифы стали жить не слабо связанными между собой племенными союзами, возглавляемыми каждый своим царем, а, можно сказать, в условиях раннего государства, с выраженной управляющей иерархией. Во главе ее стоял единовластный повелитель – верховный царь, постоянная резиденция которого стала столицей государства (близ нынешней Каменки-Днепровской Запорожской области Украины, на левом берегу Днепра). Это было огромное поселение «городского типа», ремесленный центр Скифии. Отсюда, помимо прочего, осуществлялось управление теми общинами земледельцев, которые были подведомственны царскому двору. В окрестностях городища и сегодня можно видеть множество курганов над могилами царей и высшей придворной знати.

Прочие цари получали теперь еще и придворный статус и значительную часть своего времени проводили при повелителе. Их сыновья и другие юноши из знатных родов прислуживали при дворце в качестве конюших, виночерпиев, кравчих, слуг, вестников. «Все как у людей» – в своих переднеазиатских походах скифская знать насмотрелась на жизнь блестящих царских дворов.

Главной силой, на которую опирался скифский царь, было войско, хоть и сохранявшее в основном племенную организацию, но командующие племенными отрядами подчинялись теперь непосредственно царю. Введены были и территориальные административные единицы, округа, возглавлявшиеся назначаемыми царем номархами. Это было очень важное нововведение. Менталитет кочевника таков, что свет чужого ночного костра, пусть даже за горизонтом, невольно вызывает смутную тревогу. И если взаимоотношения на уровне отдельных семей и родов довольно успешно регулировались на основе традиций выбранными родовыми старейшинами и главами племен, то на более высоком уровне авторитет предводителей племенных союзов и их связь между собой были явно недостаточны. В результате много крови пролива-

лось в межплеменных столкновениях из-за сочных пастбищ, источников воды, контроля над караванными путями.

* * *

Централизованное скифское государство сразу осуществило пробу сил. Сначала были надежней подчинены племена лесостепной полосы и лесов (в том числе Геродотовы «скифы-пахари», скорее всего славяне). Затем скифские цари повели экспансию на земли фракийцев.

В 496 г. до н. э. был совершен поход через всю Фракию вплоть до Херсонеса Фракийского (на Галлиполийском полуострове в европейской части нынешней Турции). Но фракийцы тоже были воинственны, в большинстве своем их племена находились на высоком уровне культуры, а вражеское вторжение заставило сплотиться и их. В середине 480-х гг. до н. э. соперники пошли на мировую – был заключен династический брак между скифским царем Ариапифом и дочерью фракийского правителя Тереса, граница между Скифией и Фракией была установлена по Дунаю.

В годы конфликта нападениям скифов подвергались и греческие колонии во Фракии (была сожжена Истрия). Но местные греки представляли немалую силу и в военном отношении, и экономически, поэтому желательно было наладить добрые отношения и с ними. Политическую выгоду принесло отсутствие у скифов единобрачия: царь Ариапиф взял в жены еще и гречанку из Истрии (она родила ему небезызвестного Скила, рассказ о котором впереди).

* * *

Геродот в своей «Истории» большое внимание уделяет племенам Скифии. Их много. В ковыльных степях Приазовья, Крыма, в примыкающих к Перекопу степных просторах кочевали «царские скифы» – самые многочисленные, самые привилегированные и «самые настоящие». В степях поблизости от них расположились другие скифские племена. К востоку и к югу – в некотором отдалении, но все равно на опасном расстоянии обитали кочевые племена из других народов иранского корня: сарматы (савроматы), языги, роксоланы и другие.

В лесостепи, в лесах жили племена, из-за отдаленности которых до Геродота дошли, скажем так, несколько искаженные сведения о них. По образу жизни это в большинстве своем явно уже не скифы (хотя кого-то Отец истории и называет скифами, но «скифами-пахарями»). Это земледельцы, рыболовы, охотники. А кто-то, по Геродоту, вроде бы и скифы, и кочевники, но не скифы – потому что занимаются людоедством. А невры хоть и скифы, но рыжие и голубоглазые и едят шишки; плюс к тому они на несколько дней в году обязательно превращаются в волков. Где-то среди этих племен обособленными общинами живут переселившиеся из своих колоний греки и потомки от смешанных браков греков с местными жителями.

По материалам современных исследователей, античным историком по большей части имелись в виду славяне, балты, племена, представляющие собой остатки славяно-балтской общности, финны, возможно, какие-то фракийские группы.

Сложнее идентифицировать обитавших где-то на Северном Кавказе, по соседству с сарматами, амазонок. Да-да, тех самых. Историк рассказывает, как скифы и сарматы поначалу при встрече вступали с ними в сражения, приняв этих изготавившихся к битве красивых воинов за юношей. И только осматривая тела убитых врагов, убеждались, что ошиблись. Поэтому в конце концов решили больше с ними не воевать. Геродот приводит интересные сведения о том, как кочевники и прекрасные фурии занимались продлением рода и как делили потомство.

Если без улыбки – информация Геродота об этих народах древности, несмотря на ее порою анекдотичность, оказалась ценнейшим материалом для позднейших историков, а мно-

гие ставившиеся на протяжении веков под сомнение сведения были подтверждены данными археологии.

* * *

То, что сообщает Геродот о скифской религии, тоже представляет большой интерес. Но порою современного читателя озадачивает, как историк отождествляет богов – скифских и греческих. Читаем: «Скифы почитают только следующих богов. Прежде всего Гестию, затем Зевса и Гею (Гея у них считается супругой Зевса); после них – Аполлона и Афродиту Небесную, Геракла и Ареса. Этих богов признают все скифы, а царские скифы приносят жертвы еще и Посейдону. На скифском языке Гестия называется Табити, Зевс (и, по-моему, совершенно правильно) – Папей, Гея – Апи, Аполлон – Гойтасир, Афродита Небесная – Аргимпаса, Посейдон – Фагимасад».

Видите, как под другими именами, в обрядах и мифах другого, совсем, казалось бы, несхожего с греками варварского народа, уверенно узнаются родные боги. Вряд ли это натяжка, подгонка под знакомые реалии. Скорее, у людей древности на этот счет существовало более острое зрение и «шестое чувство»: тогда живет была ментальная память о временах праиндоевропейской общности и позднейших, производных от нее общностей, когда и рождались представления о главных богах и мифы о них. Прагреки и праарии жили когда-то вместе после распада праиндоевропейской общности. Проявление такого чувства можно встретить и у других античных историков, греческих и римских.

Смотрите, Зевса «совершенно правильно» называть Папей – так ведь «папа» по-гречески значит «отец», и Зевс в их литературе постоянно величается «отцом богов». Соответствующее Зевсу римский Юпитер – от древнелатинского *Dyeus Pater Diespiter*, а это словосочетание – от праиндоевропейского *Dyeus Phater*, «бог-отец» – бог света в той, древнейшей мифологии. В звательном падеже у греков имя Зевса звучало совсем по-праиндоевропейски, с добавлением схожей с «патер» концовки (аналогичным образом обстояло дело и в санскрите, и в иллирийских языках).

Интересен образ Посейдона. Спроси у нас, кто такой, большинство по школьной памяти сразу отчеканит: «греческий бог морей». А ведь у греков он был еще и «Посейдоном Конским», и богом землетрясений. Сразу встает образ божества с взлохмаченной бородой и трезубцем, несущегося в упряжке из бешеных коней по беснующимся (трясущимся) волнам. В степи же бег конского табуна – как землетрясение, и развевающиеся конские гривы – как гребни волн. Сколько здесь скифского! Хотя имена бога, греческого и скифского, несхожи: на путях истории, в промежуточных этногенезах, в заимствованиях исходное могло преобразиться до неузнаваемости (или просто замениться).

Далее у Геродота читаем: «У скифов не в обычае воздвигать кумиров, алтари и храмы богам, кроме Ареса. Ему они строят такие сооружения». Историк не сообщил нам, как скифы называли этого особо чтимого ими бога войны, мы узнаем лишь, что символом его был вертикально воткнутый короткий (35–40 см) меч-акинак. Но если ограничиться греческим «Арес», сколько можно наассоциировать близких по звучанию, по смыслу и по вызываемым эмоциям слов: не говоря уж о схоже звучащем римском Марсе – английское «Хурэй!», его русский аналог «Ура!», английское *Hurru* и русские ярость, Ярило, Сварожич – бог открытого огня.

Храмы скифскому Аресу сооружали, надо думать, без архитектурных излишеств – если судить по тому, какими были его алтари. Большая гора хвороста и воткнутый в нее меч-акинак – не более того. В жертву богу войны приносили различных животных, излюбленной его пищей был, конечно, конь. Приносили и человеческие жертвы; одного из сотни пленников – обязательно.

Случалось, человеческие жертвы подносились и великой богине Табити (Гестии) – это происходило на Таманском полуострове, если местным скифам удавалось захватить греческих мореплавателей (но можно предположить, что здесь историк путает скифов с таврами). Однако и ей, и остальным богам (кроме Ареса) обычными жертвами были животные и плоды земные. Основным местом свершения обрядов, вместо храмов и святилищ, были курганы над могилами предков.

Замечательный историк религии Мирча Элиаде собрал немало свидетельств в доказательство того, что среди скифов были широко распространены шаманистские религиозные обряды (да и вряд ли могло быть иначе, ибо скифы пребывали в Сибири как раз в то время, когда там складывался классический шаманизм, в том числе в среде кочевников). Шаман, призванный к своему служению через экзистенциальное озарение, снизошедшее на него как результат личной устремленности (зачастую им самим ясно не осознаваемой) или какого-то жизненного катаклизма, после долгого и трудного обучения и инициации обретает способность бипсихии. Она заключается в том, что посредством неистовой пляски с бубном или, что гораздо реже, другим заменяющим его музыкальным инструментом (в любом случае – местом обитания духов-помощников), пения, огромного целеустремленного волевого усилия, наконец, наркотического опьянения (что, впрочем, является признаком невысокой квалификации) шаман впадает в транс, в экстатическое состояние. В нем душа его «раздваивается»: она пребывает и здесь, вместе с телом, среди пассивных участников обряда (зрителей), которых шаман держит в курсе происходящего, – и одновременно совершает путешествие по иным мирам, небесному и подземному (загробному). Ищет сбежавшую душу больного (именно в этом, и ни в чем ином, состоит истинная причина заболевания), сопровождает в загробный мир душу умершего, вступает в схватки при встрече с душами других, враждебных шаманов, проникает в обитель высших духов и испрашивает у них советов по насущным проблемам (например, не пора ли перегонять табуны и стада) и вопрошает о грядущем. Есть ли подо всем (или надо всем) этим какая-то подлинная онтологическая основа – или все лишь игра воображения, самообман, спектакль, – думать так или иначе зависит от мировоззрения читателя или его настроения.

Шаман – не жрец. Жрец устоявшейся языческой религии свершает четко определенные религиозные обряды, они же магические священнодействия, чтобы их путем вознести хвалу богам и донести до них принесенную жертву – служа им этим и испрашивая у них за это милость. Но при этом он сам остается в здешнем мире – боги не духи, они к себе не пускают, а если и являются каким-то образом человеку, то только если сами того пожелают. Но в ту эпоху в религиях еще явственны были многие заимствования из шаманизма, глубинные корни которого – во временах палеолита. Отметим, что шаманистские корни имеют культ Аполлона и сам его образ – он не только носитель «светлого начала», каким его представляли гуманисты эпохи Возрождения и рационалисты эпохи Просвещения. Аполлон еще и бог смертоносный, бог внезапной смерти. Его прорицательницы-пифии могли вступить с ним в непосредственный контакт, по крайней мере, он вещал их устами. Возможно, немало элементов шаманизма было в тайных культах Деметры и Изиды. Безусловным шаманом по происхождению своему является германский бог Один. Образ же и культ Диониса, заимствованный греками из Фракии, отношение к шаманизму вряд ли имеют: дионисийский экстаз носил профанный характер, это экстаз массовый, разнузданный, претендующий на собственное обожествление.

Скифские жрецы, энареи (от иранского «анария» – «немужественный»), представлены Геродотом как женоподобные мужчины. Вероятно, это были кастраты или гермафродиты, рядящиеся в женские одежды (явление трансвестизма). Сам институт такого жречества заимствован был в Передней Азии из культа богини Иштар. Энареи, как и скифские шаманы, использовали коноплю – очевидно, стремясь достичь состояния транса и «боговдохновенности» при гадании на прутьях, которое тоже входило в их функции. В чем смысл гадания – из

Геродота непонятно. Но есть рассказ о том, что, когда царь заболел, к нему вызывали наиболее авторитетных гадалей – энареев. Они манипулировали с прутьями (возможно, совершая при этом потусторонние странствования наподобие шаманских – не зря же дышали конопляным дымом). После чего кто-нибудь из них мог заявить, что такой-то из подданных принес ложную клятву богами царского очага – в этом и кроется причина болезни повелителя. Подозреваемого сразу же доставляли пред царские очи, и энарей должен был повторить свое обвинение при нем. Если обвиняемый отпирался, призывали новых гадалей. В случае если они подтверждали обвинение, преступнику тут же отрубали голову. Если нет – подозреваемым становился обвинитель-энарей, и в конце концов, после новых гаданий, его могли сжечь живьем за злостный поклев.

Вызывают трепет мрачные погребальные обряды скифов. Когда умирал царь, тело первым делом покрывали воском и бальзамировали. Потом его погружали на телегу и долго возили по всем частям Скифского государства – чтобы подданные могли с ним попрощаться. При этом мужчины отрезали себе часть уха, обстригали в кружок волосы, расцарапывали лицо, делали на руке круговой надрез и прокалывали ее стрелой.

После объезда тело доставляли в Герры – это на правом берегу Днепра напротив царской столицы, здесь и сегодня высятся остатки царских курганов. В Геррах тело опускали на дно огромной ямы. Вослед царю туда же клали, предварительно задушив, одну из его наложниц, виночерпия, повара, конюха, телохранителя, вестника. Хватало места и для коней, для первенцев других животных, для множества золотых чаш. Над ямой настилали доски, постилали их камышовыми циновками, после чего насыпали курган, причем опечаленные подданные в знак любви к покойному старались сделать его как можно выше.

Годовщина смерти отмечалась следующим образом. Из числа слуг усопшего повелителя отбирали пятьдесят самых красивых юношей (все они должны были быть прирожденными скифами), из его табунов приводили пятьдесят лучших коней. И тех и других умерщвляли, затем бальзамировали. Конские трупы водружали на деревянные конструкции, с помощью подпорок добиваясь того, чтобы они стояли, как живые. Тела прислужников насаживали на колья, основания которых пропускали сквозь конские спины. Таким образом на охрану царского кургана заступал мертвый отряд: всадники в дорожных одеждах и во всеоружии на конях в полном золотом уборе.

Мы можем успокоить себя тем, что люди того времени легче относились к смерти: на своем веку, часто недолгом, они видели много смертей, порой неожиданных. В них глубоко сидели иные, чем у нас, представления о жизни и смерти. Уместно привести свидетельство из эпохи более поздней, но отражающее схожие реалии. Арабский путешественник Ибн Фадлан, посетивший в 922 г. Волжскую Булгарию, присутствовал там на похоронах знатного руса. Судя по его рассказу, девушка, которая должна была сопровождать покойного в загробный мир, вызвалась на это добровольно. Несколько дней она пьянствовала, отдавалась кому ни попадя, а явно сочувствующим ей иностранцам объяснила, что они равным счетом ничего не понимают, что ей предстоит переход в прекрасный цветущий мир. И показывала им куда-то поверх невысокого забора, сооруженного вокруг погребальной ладьи, – будто она и на самом деле уже видела там это свое прекрасное будущее. Перед тем как зарезать у погребального костра, ей поднесли чашу с дурманящим напитком, и она встретила смерть в совершенно безмятежном состоянии, успев тепло попрощаться со своими подружками.

Когда умирал простой скиф, его тело возили по всем родственникам и друзьям, и везде сопровождающим устраивали угощенье – ставя те же самые блюда и подле покойного. На этих похоронах никаких человеческих жертв не было, а после них все присутствующие шли очиститься в паровой бане, при этом кидали на раскаленные камни семена конопли.

* * *

На войне скифы редко щадили врагов. В этом трудно усомниться, если ознакомиться с их боевыми традициями. Молодой воин, убив первого врага, пил его кровь – чтобы впитать в себя силу и отвагу поверженного. Обычаем было отрубать у убитого неприятеля голову: воин, не представивший царю такие трофеи, не участвовал в дележе добычи. На устраиваемом царем очередном празднике он не получал из его рук традиционную чашу вина.

Скифы сдирали с убитых врагов скальпы, очищали их и обрабатывали – и использовали в качестве полотенца. Наиболее доблестные герои могли скроить себе из таких лоскутов целый плащ – и гордо щеголяли в нем. Кожа с рук шла на колчан. Были любители, которые обдирали весь труп, набивали кожу на доски и такое, с позволения сказать, чучело возили с собой на коне. Может быть, чтобы нагнать в бою ужас на противника?

Из черепов заклятых врагов изготавливались кубки и чаши. Кто побогаче – оправлял их драгоценными металлами, бедняки только обтягивали кожей. Так могли поступить даже с черепами родственников, с которыми оказывались в ссоре, если побеждали их на поединке, назначенном по решению царского суда. Вот так и разрушался общественно-родовой строй под напором частной собственности и связанного с ней отчуждения людей друг от друга.

Здесь кстати отметить, что суровые скифы были скупы на человеческое общение: считалось, что уважающий себя мужчина должен иметь двух-трех друзей, не более того. А если друзей у него много, он становится подобием распутной женщины.

* * *

Скифы были очень ранимы в случаях, если кто-то из их соплеменников нарушал исконный жизненный уклад, особенно если дело касалось религии. История донесла до нас трагическую судьбу двух таких знаменитых отступников, выходцев из царских семей – Анахарсиса и Скила. Причиной падения обоих была неспособность противостоять очарованию греческой культуры, главными распространителями которой в скифской среде были греческие колонии, которые начали появляться в Северном Причерноморье начиная с VII в. до н. э.

Царский сын Анахарсис (ок. 605–545 гг. до н. э.) за свою довольно долгую по меркам того времени жизнь много попутешествовал по свету, долго жил в Афинах. Человек был мало сказать, что незаурядный, – греки называли его в числе мудрейших из людей за все времена. Очевидно, тяга к эллинской культуре, эллинской мудрости ослабила в нем любовь к отечеству. Сохранился такой рассказ о нем. Некий афинянин навязчиво и грубо попрекал Анахарсиса тем, что он родился и вырос в варварской стране. В конце концов скиф срезал его: «Ну что ж, мое отечество – стыд для меня. А ты стыд для своего отечества». Еще анекдот. Анахарсиса кто-то спросил: «Поведай, как можно удержаться от пьянства?» Ответом было: «Надо только иметь перед глазами пьяницу во всем его безобразии. Этого вполне достаточно!» Здесь существенно добавить, что скифы у греков считались если не закоренелыми пьяницами (на таком счету были фракийцы), то людьми, совершенно не сведущими в застольном этикете и оттого склонными вести себя неподобающе и напиваться. Поговорка «пить как скиф» означала пить неразбавленное вино и, как следствие, терять рассудок.

Надумав в недобрый час вернуться на родину, Анахарсис по пути оказался в Кизике, городе на берегу Мраморного моря. Предстоял последний этап путешествия – плавание на корабле через Черное море. А он ужасно боялся моря. На этот счет тоже сохранился анекдот. Анахарсиса спросили: «Кого, полагаешь, на свете больше – живых людей или мертвых?» Мудрец ответил вопросом на вопрос: «А к кому прикажете отнести тех, кто плывет сейчас на кораблях?»

В Кизике как раз в это время справляли праздник в честь Матери богов Кибелы, носивший разнузданный оргиастический характер. Анахарсис, почтя встречу с процессией как указание свыше, дал богине обет: если плавание закончится благополучно, он принесет ей жертву по только что увиденному им обряду.

Сохранилось его высказывание: «Самый надежный корабль тот, который вытащили на берег». Плавание было благополучным, корабль вытащили на берег, Анахарсис сошел на родную землю. И сразу подумал о необходимости исполнить обет. Для этого он выбрал безлюдное место в лесу, вдали от посторонних глаз. Что это был за обряд, сколько в нем было участников – доподлинно неизвестно. У Геродота находим только, что Анахарсис при этом был весь увешан маленькими изображениями Кибелы и колотил в тимпан. В общем, на скифский взгляд – полнейшее непотребство. За подобные обряды скифы порицали греков больше, чем за что-либо иное. Ведь нельзя же всерьез утверждать, говорили они, что существуют боги, которых радуется людское безумие.

Бдительный скифский взгляд оказался как раз там, где от него хотели спрятаться. Случайный свидетель из местных, уразумев смысл происходящего действия и кто его главный исполнитель, немедленно помчался доложить Савлию – родному брату Анахарсиса, к тому времени занявшему царский престол. Савлий немедленно отправился в указанное место, убедился в правдивости доноса и, не раздумывая, сразил брата стрелой.

До нас дошло около пятидесяти изречений мудреца-скифа по разным поводам. Слава его в прежние века была так велика, что даже в далеком от европейской культуры Московском государстве XVII в. он был изображен на фреске храма Новоспасского монастыря вместе с Платоном, Аристотелем, Гомером, Солоном, Плутархом, Птолемеем как один из «предшественников христианства».

* * *

Другой поклонник эллинской культуры, Скил, сын упомянутых выше царя Ариапифа и гречанки из Истрии, со временем сам занял скифский престол. Он трагически закончил свои дни незадолго до путешествия Геродота.

Очевидно, мать с самого раннего детства породила в мальчике своими рассказами о родном ей эллинском мире глубокий к нему интерес, да и воспитывала его в том же духе. Научила говорить, читать и писать по-гречески. В результате он проникся к скифской действительности неприязненным чувством. Тем не менее около 465 г. до н. э. он стал царем Скифии.

Вероятно, он и раньше не раз бывал в эллинской колонии Ольвии, что на берегу Днепро-Бугского лимана. Это был большой, с населением около 15 тысяч человек, и богатый город (Ольвия в переводе с греческого и значит – счастливая, богатая). Взойдя же на престол, он устроил себе там что-то вроде убежища. Судите сами. Посещая город теперь уже по своим царским делам – купцы-ольвиополиты были основными торговыми партнерами Скифского государства, сбывая на внешнем рынке дары скифской и окрестных земель, – он оставлял свою свиту вне городских стен и проезжал в город один (можно смело утверждать, что зачастую никаких дел у него там не было). Миновав ворота, он сразу направлялся в свой обнесенный высокой оградой дворец – с мраморными сфинксами и грифонами у входа. В нем его встречала тайная жена – местная гречанка. Царь принимал ванну, одевался в эллинскую одежду – и выходил на улицу вдохнуть родной для него воздух античности. Оставался в Ольвии порою по месяцу, а то и больше, случалось, совершал даже жертвоприношения по греческим обрядам. Принимал все меры, чтобы никто из соплеменников не смог проникнуть в город и увидеть своего царя в таком виде и за такими делами.

Но шила в мешке не утаишь. Царь дошел до того, что пожелал принять посвящение в таинство Диониса (Вакха), и принял его. Не устранившись от того, что как раз перед этим ему было грозное знамение – молния ударила в его дворец.

Кульминацией этого обряда было исступленное оргиастическое шествие, и многие греки стали свидетелями участия в нем скифского царя. На следующий же день один из них стал насмехаться за городскими стенами над ожидавшимися там Скила придворными: «Вы над нами, греками, смеетесь за то, что на нас нисходит божественное исступление, а посмотрели бы вы, что ваш царь вытворяет!» Слово за словом, и кончилось тем, что грек тайком провел собеседников в город. Те увидели там такое, что лучше бы не видеть: их повелитель в безумном экстазе, с тимпаном и тирсом в руках, выплясывал среди вакханок теперь уже как полноправный участник процессии.

Слухи про Скила и раньше наверняка ходили разные. Теперь же возмущению скифов не было предела. Когда царь вернулся из Ольвии, войско взбунтовалось и провозгласило нового царя, брата Скила – Октамасада. Скил бежал во Фракию, но Октамасад пошел на фракийцев войной, требуя выдать богохульника. В конце концов сражаться не стали, сошлись на том, что фракийский царь выдаст Скила, а в обмен получит своего брата, нежелательного претендента на престол, который скрывался у скифов. Как только обмен состоялся, Октамасад приказал отрубить Скилу голову.

Великий историк резюмирует: «Так крепко скифы держатся своих обычаев, и такой суровой каре они подвергают тех, кто заимствует чужое».

Глава 6. Великая греческая колонизация

Раз мы уже заглянули за стены Ольвии, следует подробнее поговорить о греческих колониях в Северном Причерноморье, о их рождении и судьбе.

Возникали они в процессе растянувшейся на несколько веков колонизации, когда тысячи и тысячи семейств, со скарбом и живностью, погружались на утлые суденышки (а как еще назвать мятущиеся среди морских валов корабли, у которых зачастую и палубы-то не было) и отправлялись туда, куда и Одиссея не заносило. В чужие земли – чтобы сделать их своими и преобразить до неузнаваемости.

Колонизация черноморского побережья была частью второй волны массовой эмиграции греков. Первая пришлось на времена «темных веков», последовавших за «вторжением дорийцев»: в XII в. до н. э. на города-государства Микенской Греции, наследницы великой цивилизации Крита, нахлынули с севера греческие же племена скотоводов, в первую очередь дорийцев. Племена отсталые, но воинственные и настроенные куда как решительно (на эти времена, по мнению многих историков, пришелся какой-то климатический скачок, неблагоприятно сказавшийся в первую очередь на скотоводческом хозяйстве. Вероятно, именно с ним связаны еще и такие исторические катаклизмы, как Троянская война, гибель Хеттского царства, нападение на Египет «народов моря»).

Вторжение дорийцев современники называли еще «возвращением гераклидов»: сами дорийцы считали себя прямыми потомками Геракла (у него сил бы достало), призванными отомстить за обиды, нанесенные когда-то божественному герою. В суть обвинений можно не вдаваться, потому что понятно: «Ты виноват уж тем, что хочется мне кушать» – а кушать, похоже, действительно очень хотелось.

Многим тогда пришлось спасаться от убийств, грабежей, разрухи, порабощения (спартанские рабы-илоты были не кем иными, как потомками Гомеровых ахейцев, бывших во главе со своим легендарным царем Агамемноном в авангарде похода эллинов на Трою).

В те «темные века» за море отправились представители всех греческих народностей – включая и победителей-дорийцев. Колонии возникали на Сицилии и в Южной Италии (эти земли получили название Великой Греции), на островах Эгейского, Адриатического, Тирренского морей, на побережьях Малой Азии, Фракии, Северной Африки.

Наиболее активно повели колонизацию дальних земель ионийцы (у тех, что остались, сильнейшим полисом были Афины). В Малой Азии они колонизировали значительную часть побережья Эгейского моря, получившую название Ионии, а союз основанных там ими городов был назван Ионийским союзом. Самым значительным городом-государством стал Милет.

Вторая, или Великая, колонизация была связана как с экономическим подъемом греческих городов и сопутствующим ему перенаселением, так и с ожесточенной классовый борьбой внутри полисов. В то время происходила т. н. «гоплитская революция»: основой армий городов-государств становились не конники, крупные землевладельцы-аристократы, а представители «средней буржуазии» – не связанные с аристократией крестьяне-землевладельцы, купцы и зажиточные, во всяком случае, не бедствующие, ремесленники. Они составляли ряды тяжелой греческой пехоты – гоплитов. Тех самых, что на картинках: с большим круглым разрисованным щитом и массивным копьем, в гребенчатом шлеме (иногда закрытом – страх берет), с коротким мечом на боку, в панцире или кирасе, в наручах и поножах. Поднапрягшись, они сами обеспечивали себя всем этим вооружением, овладевали тактикой плотного строя – фаланги, на поле боя могли умело противостоять кавалерийским наскокам – и они же хотели быть во главе своих полисов. А аристократы не желали отдавать свою власть.

Борьба аристократической и демократической партий могла принимать самые ожесточенные формы. В вооруженных схватках и последующих расправах порою гибли тысячи.

Нельзя сказать, что какая-то из двух сил возобладала в масштабе всего греческого мира. Но все же дорийские полисы считались склонными к аристократическому правлению, ионийские – к демократическому.

Колонии становились самостоятельными полисами. Не всегда полностью независимыми – в некоторых случаях новообразование должно было следовать указаниям метрополии. Она же могла выполнять роль арбитра в сложных судебных тяжбах. Но колонисты и сами в большинстве своем не хотели терять связи с родным городом. Там оставались чтимые с детства святыни (их огонь, статуи богов и реликвии обязательно брали с собой), узы родства и дружбы, узы воспоминаний, наконец.

Немаловажно было и то, что на основании колоний давали средства аристократы и богачи. Они оставались на месте, но надо было выполнять их условия (например, реализовывать на новом месте среди туземного населения их товары или снабжать тем, чем богата та земля, в первую очередь их. Рождение где-то в VII в. до н. э. «желтого дьявола» – звонкой монеты способствовало тому, что коммерческие интересы становились всеохватывающими и всепроникающими).

На помощь метрополии всегда надеялись: она могла потребоваться и при обустройстве на новом месте, и для обороны от туземцев – а они редко были рады новым соседям. В тяжелых обстоятельствах помощи ждали и от других колоний своей метрополии. Тем не менее, повторимся, большинство колоний были полностью независимыми. И многие сами становились метрополиями, выводя собственные колонии в еще более отдаленные земли.

На корабли вступали и те, кого гнала нужда, и те, кто оказался в стане побежденных в политической борьбе и не желал оставаться под властью победителей (тем более что часто альтернативой отъезду была только смерть), и те, кто питал честолюбивую надежду выдвинуться или разбогатеть на новом месте.

Но прежде, чем отправиться в путь, обязательно надо было заручиться божественной поддержкой. Главным покровителем переселенцев считался Аполлон. Было крайне желательно получить благоприятное предсказание от жрицы-прорицательницы (пифии) в его храме в Дельфах. Дельфийский храм Аполлона стал и духовным, и экономическим центром колонизации. Имея обширную информацию, касающуюся всей тогдашней Ойкумены, храм мог дать компетентную рекомендацию, мог помочь деньгами. Служители Дельфийского храма хорошо знали, чего хотят конкретные колонисты в первую очередь: заняться земледелием, или создать ремесленный центр, чтобы, обеспечивая местных жителей, в первую очередь местную знать, плодами эллинского мастерства, получить за них плоды их земли, или сделать упор на торговлю.

Высаживаясь после опасного плавания, колонисты явственно ощущали сакральную значимость происходящего – здесь начнется их новая жизнь, здесь обретут они новых богов – покровителей их полиса, и здесь же воздвигнут они алтари прежним богам. Часто священный огонь с родины сопровождали жрецы – они и отслуживали торжественный молебен. Руководитель экспедиции – ойкист, если он становился первым главой нового государственного образования (были и штатные «экспедиторы» – их обязанностью было только обеспечить морской переход и первоначальное обустройство), после смерти провозглашался героем – статус если не божественный, то напоминающий христианских святых: на его могиле возводилась часовня – героон, ему поклонялись, через него можно было обращаться к богам, от него самого ждали защиты.

Жизнь на новом месте устраивалась не обязательно по образцу метрополии – грубо говоря, на аристократический или демократический лад. Многие не затем пускались в далекий путь, чтобы приплыть к тому же самому. Но, с другой стороны, пришельцам из городов с аристократическим правлением, не имеющим опыта самоуправления демократического полиса, трудно было обойтись без единоначалия, без твердой руки. Тогда как выходцы из

полисов демократической ориентации, если они не беглые аристократы, несли в себе укорененное неприятие заносчивой знати. Хотя им мог быть знаком и опыт тирании: фактического единовластия «от лица народа», при сохранении видимости демократического устройства (кстати, тирании нередко обеспечивали достаточно благополучную жизнь большинству населения полиса, являясь выходом из тупика политического противостояния, и слово это вовсе не несло в себе тот зловеющий смысл, которым наполнили его позднее).

Жизнь покажет, как им жить, греки народ сообразительный. Для чего только не было пока места – это для олигархии, засилия политиканствующих толстосумов. Таковых среди прибывших просто не могло быть, а если им и суждено было появиться – их предстояло вырастить в собственной среде.

О взаимоотношениях с местным населением мы уже немного говорили и еще будем говорить. Отметим, что вряд ли часты были случаи, когда колонисты высаживались на берег, как на острова Кука – в места обитания неведомых дикарей. Обычно на этих берегах уже успевали какое-то время поработать эмпории – торговые фактории, и колонисты имели хотя бы приблизительное представление, с кем им предстоит иметь дело. Но нужно отметить и такой момент. Известно, что всех иностранцев греки с чувством собственного превосходства называли варварами. Вероятно, слово это появилось именно в процессе колонизации – как насмешка над непонятной (или малопонятной) им речью диких туземцев, каким-то сплошным «бар-бар», по-русски говоря, тарабарщиной. Грубыми казались их манеры, их селения, их быт.

Конечно, сами они – совсем другое дело. Им уже рисуются храмы с колоннами строгого стиля, под стать им общественные здания, стадион, театр, гимнасий, украшающие площади статуи. У них и посуда будет не как у варваров, а чернофигурного (потом – краснофигурного) лака – амфоры, кратеры, килики. И они не ждали, что им кто-то все это подаст. Они сами построили и храмы, и театры, и прекрасные города. На произведения высшего, недоступного им эллинского мастерства зарабатывали – и покупали их. Не скупились на то, чтобы завезти к себе статуи, вышедшие из-под резца лучших скульпторов. Полюбуйтесь, сколько в Эрмитаже, Пушкинском музее, в других экспозициях хранится найденных в Северном Причерноморье изделий всемирно известных гончаров и вазописцев из Аттики и Коринфа?

Более того, в Крыму, на Таманском полуострове, на черноморских лиманах местными мастерами-греками был выработан свой неповторимый стиль. От их скульптуры, «скифских» ваз и украшений, других произведений – пусть порою лапидарных (несколько простоватых) – веет (особенно когда их много вместе, как в Эрмитаже) каким-то сокровенным, неизъяснимым, романтическим духом. «Неизъяснимое» – это основа эллинского искусства, ибо оно все (помимо мастерства) – от наития, от соприкосновения с божественным, от Платоновых эйдосов (даже если Платон еще не родился). А если оно к тому же родилось среди другого неизъяснимого – таинственного и грозного варварского мира, первозданных необъятных просторов?

* * *

Колонизацией Причерноморья занимался в первую очередь малоазийский Милет – сам когда-то, в первую колонизацию, микенская колония. Всего по Черному морю милетцы основали около сотни городов-государств (считая колонии колоний). «На долгое время Черное море и подступы к нему превратились в милетский заповедник» (Майкл Грант).

Милет был прекрасным и богатым городом, «Жемчужиной Ионии», как назвал его Геродот. В лучшие времена в нем насчитывалось около 50 тысяч жителей (столько же, сколько в столице Персидской империи Персеполисе. Афинян в их родном городе периода его расцвета проживало примерно 155 тысяч, но это был один из крупнейших городов тогдашнего мира). Город жил в значительной степени за счет морской торговли, его интересы распространялись вплоть до Египта. Вывод колоний имел огромное значение для коммерции: они становились

своего рода торговыми факториями Милета. Деловые люди обеспечивали будущих колонистов кораблями для переезда, припасами на первое время. Поэтому желающие переселиться стекались сюда со всей Греции. Самых же милетян к перемене мест подстегивали, возможно, не столько экономические соображения, сколько непрерывные политические распри.

Установившееся от основания города аристократическое правление вскоре проявило тенденцию переродиться в олигархию. А олигархия, по определению Аристотеля, это продукт разложения аристократии. Природные аристократы считали управление государством не только своим святым правом, но и святым долгом, смотрели на него как на служение родному городу. Олигархия же возникала, когда интересы этих правителей теснейшим образом переплетались с интересами богачей из прочих слоев, в первую очередь купечества и тогда интересы народа переставали быть, как прежде, в какой-то степени самоцелью, они становились разве что ограничителем: «лишь бы не бузили». Это неминуемо приводило к усилению демократических тенденций (у демократий свой путь перерождения в олигархию, но это путь не милетский).

Со временем город разделился: олигархи и их сторонники (включая людей зависимых и прихлебателей) возглавлялись партией Вечных моряков, или партией Богатства. Им противостояла партия Кулачного боя, или партия Труда.

История донесла до нас рассказы о диких эксцессах этой борьбы. Одержав однажды верх, «трудовики» растоптали быками детей своих противников на глазах их отцов. А те, взяв реванш, сожгли живьем и детей побежденных, и их самих. В конце концов установился шаткий компромисс в условиях умеренной олигархии, но все равно немало милетян вступало на сходни кораблей в надежде обрести более спокойную жизнь в далекой, дикой Скифии (или в менее далеких и диких Фракии и Колхиде), а не в своем процветающем городе.

* * *

Греки, думается, называли Черное море Понтом Эвксинским – «Гостеприимным» – для самоуспокоения. Поначалу они нарекли ее ближе к истине – Понтом Аксинским, т. е. «Негостеприимным». Пересекать его напрямую было рискованно, поэтому предпочитали плавание вдоль берегов. По побережью, от Босфора и далее по часовой стрелке, одна за другой возникали милетские колонии. С южным (малоазийским) побережьем было проще, оно и было освоено в первую очередь – опорной точкой здесь стала Синопа (нынешний турецкий Синоп), возглавившая союз приморских городов.

На западном побережье милетцы основали Аполлонию, потом Одесс (всем известную Одессу называли так в предположении, что античный город был где-то поблизости, но потом его раскопали неподалеку от болгарской Варны), Томы, уже упоминавшуюся Истрию (оттуда была родом мать злополучного царя Скила).

Потом настала очередь Северного Причерноморья. Первым (в 643 г. до н. э.) был освоен небольшой (километр на полкилометра) островок, называемый теперь Березань (возможно, это он фигурирует как остров Буян в «Сказке о царе Салтане»). Греки занялись здесь земледелием, ремеслом, но в основном торговлей. Вскоре они расширили деятельность и перебрались на материк. Здесь в самом начале VI в. до н. э. в устье Южного Буга, на берегу лимана, возник город со славным будущим Ольвия (в котором царь Скил совершил свое дионисийское грехопадение). Вокруг появляются другие колонии, опирающиеся на помощь уже существующих. Города окружаются хорой – земельными угодьями колонистов, постоянно проживающих за городскими стенами. Поодаль возникают постоянные поселения – если позволяют условия, в первую очередь отношения с местным населением.

Другим центром колонизации стал Боспор Киммерийский (Керченский пролив). Здесь, на его крымском берегу, в середине VI в. до н. э., на месте появившегося ранее торгового

пункта (эмпория), отстраивается Пантикапей (в переводе с древнеиранского «Рыбный Путь», современное название Керчь). Пантикапей стал крупнейшим полисом Восточного Крыма и Тамани – в первую очередь за счет удобной торговой гавани (в Керченском заливе). Рядом с ним возникают Мирмекий, Нимфей, Феодосия, а на противоположном берегу Боспора – Фанагория, Кепы, Гермонасса, Горгиппия (ныне Анапа). Далее, вдоль Кавказского побережья Черного моря, – Питуунт (Пицунда), Диоскурия (Сухуми), Фасис (Поти).

Вот так, взяв море в кольцо, милетцы и превратили Понт Эвксинский в «свой заповедник». На северном берегу из крупных городов только крымский Херсонес (развалины которого близ Севастополя) был основан не ими, а дорийцами из Гераклеи (колонии Мегар на южном берегу Черного моря) и с острова Делоса.

* * *

Первые плотные контакты греков с обитателями Северного Причерноморья произошли до их появления в этом регионе, причем в местах от него довольно отдаленных. Случилось это во времена вышеописанных походов киммерийцев и скифов в страны Передней Азии.

В последней четверти VII в. до н. э., после того как в бою с ними погиб лидийский царь Гигес, а его страна подверглась разгрому, киммерийцы обрушились на греческие города Ионии в Малой Азии, натворив там немало бед. На сотню лет они завладели городом Антандром на берегу Эгейского моря – его даже называли одно время Киммеридой. На Ионию напали тогда и скифы, нанеся большой ущерб, в частности, Милету.

Но, с другой стороны, милетцам и другим грекам удалось относительно беспрепятственно закрепиться в Северном Причерноморье именно благодаря тому, что значительная часть его обитателей находилась тогда в этих переднеазиатских походах, а киммерийцы вообще сгинули в них как исторический персонаж. Вернувшиеся же скифы надолго занялись войнами с фракийцами. Поэтому неприятности от туземцев для греческих колонистов сводились по большей части к нечастым набегам скифов на их города и хору и к вышеописанным неприятностям от балующихся пиратством тавров.

Но со временем агрессивные выпады скифов участились, на Боспоре стали постоянно возникать конфликты с местными меотскими (приазовскими) племенами. Поселенцы стали уделять больше внимания стенам своих городов, усилили бдительность их дозорные отряды. На Керченском полуострове был возведен мощный Тиритакский вал от восточных отрогов Крымских гор до Меотиды (Азовского моря). Со временем укрепления Пантикапея превзошли афинские.

Внешняя угроза сказалась и на внутривосточной ситуации в полисах. В Ольвии возникла тирания выходца из аристократов Павсания, опирающегося как на аристократический религиозный союз, так и на возглавляемое им гражданское ополчение, у которого он пользовался большой популярностью – под его командованием оно хорошо показало себя в боях.

На Боспоре Киммерийском сложилась симмахия – военный союз находящихся там греческих народов. Лидирующее положение в союзе занял Пантикапей. В нем тоже возникла тирания успешного полководца, аристократа по происхождению, Археанакта. Он стал фактическим главой союзного войска, а также нашел опору в амфиктионии – религиозном союзе жителей всех боспорских городов, объединившихся вокруг пантикапейского храма Аполлона. Власть Археанакта перешла по наследству, его потомки, Археанактиды, правили примерно до 438 г. до н. э. и даже величали себя царями.

* * *

Ситуация для греков значительно осложнилась после того, как около 480 г. до н. э. скифы и фракийцы заключили мирный договор. Теперь эллинские города стали объектом особо пристального внимания скифских царей и знати.

По-прежнему продолжались набеги, но скифская элита вынашивала куда более серьезные намерения. Хотя она всячески противодействовала проникновению чужой культуры в среду кочевников, но ничего уже не могла поделать с собственным жадным интересом к ее плодам. Анахарсис и Скил слишком далеко зашли в духовном ее приятии – но от блеска золотых украшений, красоты статуй, амфор, тканей и многого чего еще отвести взгляд трудно было всем. Все это можно было купить, выменять, получить в виде добычи или дани, но этого было мало. Неспособная сама организовать морскую торговлю, скифская верхушка решила использовать для нее греческие города: через них в обмен на золото, серебро, олово (необходимый компонент для получения бронзы, становившийся тогда дефицитным), рыбу, хлеб, меха, рабов получать все то, что радует душу. С одной стороны, для этого надо было брать все больше и больше необходимого для экспорта с племен лесостепи и лесов – за этим дело не стояло. С другой – надо было надавить на греков.

Полисы западной части Северного Причерноморья – Никоний на Днестровском лимане, Ольвия и другие – не могли успешно противостоять скифам. У них не было тесной связи между собой. Территориально они находились довольно далеко друг от друга, большой потребности в экономических и торговых взаимосвязях тоже не было. И им пришлось согласиться на скифское покровительство.

Понятно, что такой диктат был не в радость. Но, с другой стороны, значительно возросли торговые обороты этих городов. Справедливости ради – скифское покровительство было не очень обременительно. Описанные Геродотом наезды царя Скила на Ольвию в официальной их части были царским надзором за ходом коммерции. То же самое проделывал и отец Скила, и погубивший Скила брат. Надзор мог осуществляться и доверенными лицами – как скифского, так и эллинского происхождения. Что же касается полисного самоуправления, занятия не связанными с царскими интересами делами, частной жизни – здесь греки в большинстве случаев были полностью предоставлены сами себе: выбирали должностных лиц, сходились на народные собрания, поклонялись богам так, как считали нужным, организовывали войско, посещали театр, стадион, гимнасий, трудились и торговали.

Эти города становились центрами взаимопроникновения обеих культур. Интересно, что в Никонии чеканились монеты с именем завязатого эллинофила скифского царя Скила. Недалеко было то время, когда знатные скифы будут заезжать в греческие города не только по делам, но и чтобы просто пожить некоторое время – уже безнаказанно.

Геродот пишет о живущих близ Ольвии «эллинских скифах» – колонисты называли их миксэллинами. Они вели образ жизни, все больше приближающийся к оседлому, занимались земледелием. Возможно, это отчасти были люди, произошедшие от смешанных браков, но в большинстве своем – природные скифы, нашедшие себе место в жизненном укладе греческого полиса, поселившись на его периферии в качестве военных поселенцев.

Новая ситуация существенно повлияла и на жизнь «скифов-пахарей», значительная часть которых была славянами. Они теперь во все возрастающей степени должны были заниматься производством экспортного товара – зерна.

Глава 7. Боспорское царство

Иное дело на Боспоре. Города там плотно обступали пролив с обеих сторон. Западный его берег считался европейским, а восточный – азиатским. По географическим понятиям того времени, по нему проходила граница между Европой и Азией. Значит, местная симмахия, военный союз, объединяла жителей двух частей света – это, несомненно, существенно повышало их самооценку.

Стоявшие во главе симмахии Археанактиды неплохо справлялись со своей основной задачей: подготовкой полисных отрядов, умелым руководством ими, строительством оборонительных сооружений. Все это позволило сдержать скифский натиск. Хотя, возможно, номинальное верховенство скифских царей признавалось, а скифские вельможи и вожди довольно вольготно располагались порою в Пантикапее и окрестностях: об этом и сегодня напоминает гряда из сотни курганов, протянувшихся под Керчью (ее татарское название Юз-Оба). Скифские кочевья подходили к самому Тиритакскому валу.

Примерно в 438 г. до н. э. на Боспоре произошла перемена. К власти, отеснив Археанактидов (при неясных историкам обстоятельствах, но скорее всего насильственно), пришел основатель новой династии Спарток – возможно, фракиец по происхождению. Он и последовавшие за ним Спартокиды следовали определившейся уже тенденции боспорской власти – усиления ее централизации.

Спартокиды отказались от видимости союза городов – сложилось единое государство со столицей в Пантикапее. В историографии оно значится как Боспорское царство, или как Боспорская тирания. Царского титула его правители долгое время не принимали, но название «Боспорское царство» все же более распространенное.

* * *

В самом начале правления Спартока, в 437 г. до н. э., произошло знаменитое событие: в Порт Эвксинский вошла большая эскадра под командованием великого политического деятеля, афинского стратега Перикла. Целью похода было демонстрацией силы поддержать жителей припонтийских эллинских городов: от них к нему, главе Афинского морского союза, поступали жалобы на притеснения, чинимые местными варварскими правителями и их подданными.

Но была и другая задача: постараться склонить здешние полисы присоединиться к морскому союзу, обеспечив тем самым надежное снабжение продовольствием Афин и их союзников. Перикл знал – вот-вот начнется война со Спартой и возглавляемым ею Пелопонесским союзом.

По ходу плавания в южнопонтийской Синопе была оказана помощь местным демократам в изгнании правившего городом тирана Тимесилея – он, его семья и сторонники бежали в близкую им по духу правления Ольвию.

Далее корабли совершили отважный переход: кратчайшим путем по открытому морю прибыли к Боспору Киммерийскому. Здесь надо было решить немаловажный вопрос: склонить Нимфей, не входивший в Боспорскую симмахию, вступить в Афинский морской союз. Это удалось. Следующим пунктом назначения была Ольвия: отсюда жаловались на усилившееся вмешательство скифов во внутренние дела полиса, дошло до того, что в городе уже некоторое время верховную власть осуществлял скифский наместник. Переговоры со скифскими правителями (похоже, у них в то время была какая-то усобица) прошли успешно: наместник был удален, тирания восстановлена, Ольвия получила право самостоятельно решить, вступить ли ей в Афинский союз или нет.

На обратном пути, проходившем вдоль западного побережья, в Истрии и Аполлонии олигархическое правление было заменено на демократическое.

* * *

На ход событий на Боспоре визит Перикла и его эскадры никак не повлиял: его правителей не интересовали проблемы Афин и Спарты, им хватало своих. Спарток I (правил в 438–433 гг. до н. э.), его преемник Сатир I (правил в 433–389 гг. до н. э.) и Левкон вели затяжную войну с Феодосией, в которой укрылись противники династии. Феодосии активно помогала южнопонтийская Гераклея – из опасения, что боспорская экспансия распространится на ее дочернюю колонию Херсонес. Город все же был взят, но при его долгой осаде скончался Сатир – лавры победителя достались его сыну Левкону.

Теперь Спартокиды стали именовать себя «архонтами Боспора и Феодосии». Их государство стало самым большим во всем греческом мире. О Левконе же шла слава как о «добродетельном тиране», покровителе искусств, самом просвещенном правителе, «самом прекрасном человеке – каким только может быть самодержец». Афины пожаловали ему свое гражданство и наградили золотым венком – отчасти потому, что город ввозил 80 % потребляемого им продовольствия, а Боспорское царство при Левконе бесперебойно снабжало его зерном. Про Левкона известен анекдот: он переставал платить жалованье тем своим солдатам, которые неумеренно тратились на любовные утехы и проигрывались в кости – «все равно деньги им не впрок».

Незадолго до трагического для Афин завершения Пелопонесской войны (431–404 гг. до н. э.) их представитель в Нимфее Гелон, дед знаменитого оратора Демосфена, передал правление над городом Боспорскому царству – и получил у него за это в управление городок Кепы.

Экспансия Боспора шла также на Таманский полуостров, на меотийское (азовское) побережье, где обитали синды, меоты, фатеи – народы древнего индоевропейского корня (но, может быть, и кавказского – некоторые историки считают их предками адыгов), имевшие к тому времени свои царства. С присоединением их Боспор стал еще более значительным государством. Титул его правителей теперь звучал: «архонт Боспора и Феодосии и царь синдов и всех меотов и фатеев».

Боспор вел большую внешнюю торговлю, в Пантикапее кипела работа на судостроительных верфях. Производилось много прекрасных ремесленных изделий. За счет широкого использования кубанских земель царство не только самообеспечивалось продовольствием, но и стало «житницей Греции».

* * *

Однако Боспорское царство знало и усобицы, во время которых враждующие стороны не стеснялись звать на подмогу скифов и других варваров.

Во время одной такой смуты, вспыхнувшей в 310 г. до н. э., после смерти царя Парисада, и приведшей к гражданской войне, на стороне одного из претендентов сражались наемники-греки и фракийцы, а также большой отряд скифов, другого поддержали местные фатеи. Кончилось тем, что победитель по имени Евмел приказал умертвить не только соперника, но и всю его родню и сторонников.

Это привело в негодование понтийских граждан. Но новому правителю, смело пришедшему на народное собрание, удалось успокоить их обещанием править по справедливости и предоставить всяческие льготы. Люди поверили ему – и не ошиблись. При Евмеле возросло благосостояние, расширилась территория. Укрепив военный флот, он вел беспощадную борьбу с пиратством – и немало в этом преуспел, причем на всем Черном море. Видимо, неспроста поговаривали, что у него в мыслях подчинить все берега Понта Эвксинского. Но если такие

планы и были, им помешала преждевременная смерть Евмела в 304 г. до н. э., после всего лишь шести лет правления. Однажды возница его колесницы не справился с управлением, лошади понесли – царь, ища спасения, спрыгнул, но его меч попал в колесо, и он разбился насмерть.

Однако процветание Боспора продолжалось и при его сыне Спартоке II, правившем 20 лет (в 304–284 гг. до н. э.). Начиная с него царский титул «басилевса» по отношению к правителю применяли не только в варварских частях государства, но и эллины. Афины, в благодарность за поставки хлеба, постановили поднести царю, как когда-то Левкону, золотой венец.

Глава 8. Херсонес Таврический

Среди северночерноморских полисов Херсонес – особая статья. Как уже говорилось, по происхождению он единственный здесь дорийский полис. Колония была выведена южнопонтийской Гераклеей в 422–421 гг. до н. э.

Среди первопоселенцев были также прежние жители острова Лесбос: они были изгнаны из родных мест афинянами за то, что восстали против них во время Пелопоннесской войны, и нашли приют в Гераклее. У тамошних жителей они нашли полное сочувствие: те тоже во время войны отложились от Афин, за что афинское войско разорило хору их города.

Этническая ситуация на момент прибытия колонистов была, мягко говоря, неблагоприятная. На облюбованном ими берегу (близ нынешнего Севастополя) обитали племена тех самых, прославившихся жестокостью и дикостью тавров. К тому же они, несмотря на идущую о них славу, такими уж дикими не были, занимались отгонным скотоводством и земледелием и делиться своей землей, даже одним только нынешним Маячным полуостровом, на который высадились колонисты, не собирались. (Маячный полуостров – это западная часть Гераклеяского полуострова, на котором сегодня находятся не только развалины Херсонеса, но и южная, самая историческая часть Севастополя. По рельефу это изрезанное балками каменистое плато.)

Но и пришельцы не даром были дорийцами, а дорийская колонизация отличалась прямолинейностью и бесцеремонностью. Дорийцы и в «темные века» своего вторжения в область Микенской культуры мало считались с прежними обитателями земель, доводя их до всем известного положения спартанских илотов: по сути – крепостных, да еще и периодически подвергающихся тайным убийствам ради тренировки и укрепления духа спартанского юношества. А ведь тогда завоеванные были греками, веровавшими в тех же богов, говоривших на почти таком же языке. Правда, теперь на дворе были не «темные века», а просвещенный пятый век до новой эры, и дорийцы были уже не те – они не могли не повариться в котле общеэллинской культуры. Но у гераклейцев был и более свежий опыт: их город поставил примерно в то же самое положение илотов местное малоазийское население. Так что – что уж там творилось после высадки гераклейских и лесбосских дорийцев на Маячном полуострове, описаний не осталось, но археология свидетельствует: все таврские поселения в ближайшей округе были уничтожены. Так родился Херсонес.

Некоторая дополнительная информация. Малоазийская Гераклея Понтийская располагалась близ одного из предполагаемых входов в Аид, в царство мертвых, а река, впадающая близ города в Черное море, носила название то же, что и айдская, – Ахеронт. И в наши дни турецкие гиды показывают туристам пещеру, в которой совершил один из своих двенадцати подвигов Геракл: он одолел в ней трехглавого пса Цербера, караулившего вход в подземное царство.

* * *

Долг платежом красен, таврам не надо было об этом напоминать. Спокойно жить новоселам они не давали, и херсонесцам для защиты своей хоры, а паче того – для усиления обороны полиса в целом пришлось возвести два ряда стен с башнями через весь Маячный полуостров, а меж рядами расположилось военное поселение.

Город уже на начальном этапе был немаленький, хотя, по дорийскому обыкновению, он и в первую, и во вторую очередь был прежде всего земледельческим и только потом в какой-то степени ремесленным и торговым. А потому остро нуждался в полях, садах, огородах, вино-

градниках. Но захваченный у тавров Маячный полуостров мал (весь Гераклеийский – это всего 100 квадратных километров). Плодородная земля была размежевана на небольшие наделы, которые распределяли по жребию. Наделы разграничили каменными оградами (частная собственность!).

Однако на мысли всегда приходили плодородные земли Северо-Западного Крыма. Но здесь сразу пришлось столкнуться с милетской колонией Керкинитидой (чьи руины на Карантинном мысу нынешней Евпатории) – земли принадлежали ей. Однако дорийцам, как всем было известно, редко находились равные в бою (в населенных ионийцами Афинах когда-то очень радовались, что их воинский отряд в первый раз разбил равный по численности отряд спартанский). Вероятно, отчасти поэтому стороны мирно договорились – в середине IV в. до н. э. Керкинитида становится зависимой от Херсонеса с предоставлением ее гражданам равных прав с херсонесцами.

Но дальнейшее продвижение оказалось сложнее – там начинались крымские владения Ольвии. А та уступать их не хотела, хоть и считалась прежде дружественным полисом. Разгорелся вооруженный конфликт. Сведений о том, как он протекал, не сохранилось, но археологические раскопки бесстрастно свидетельствуют: после того как сгорели усадьбы, построенные в принятом у ольвиополитов стиле, на той же земле появились херсонесские усадьбы. Глубокая вражда между Ольвией и Херсонесом затянулась более чем на половину столетия.

Таким образом, во 2-й половине IV в. до н. э. Херсонес смог приступить к полномасштабному освоению западного крыла (или, если хотите, лепестка) Крыма – Тарханкутского полуострова. Здесь появляется большое число наделов, размером намного превосходящих те, что нарезывались когда-то на Маячном. Показательно разнообразие строящегося здесь: и удобные частные виллы (в районе современного поселка Панского обнаружен целый комплекс вилл явно дачного типа, своего рода дачный кооператив. Аналога ему не существовало во всем античном мире), и целые поселки из небольших единообразных зданий – очевидно, принадлежавших военным поселенцам, и простые крестьянские дома, и мощные крепостные сооружения – для защиты территории, ведь скиф (или тавр) – он рядом. Здесь же, в удобной бухте, строится то, что должно было в немалой степени обеспечить цветущее будущее государства – город Прекрасная Гавань, или по-гречески Калос Лимен (сейчас там поселок Черноморское).

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.